

Станислав Логвиненко

***ОТРЫВКИ
ИЗ НЕНАПИСАННОГО***

Стихи. Песни. Проза

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2=411.2) 6-5
Л 69

Л 69 Логвиненко Станислав

Отрывки из ненаписанного / С. Логвиненко. — Новосибирск:
Агентство «Сибпринт», 2021. — 178 с.

ISBN 978-5-94301-877-0

ISBN 978-5-94301-877-0

© Логвиненко С., 2021

*Моим внукам Александру Буше
и Мари Буше посвящается*

Вы держите в руках маленькую книжку.

Уверен, что не каждому из вас будет близко то, что вы прочитаете. Уверен, найдутся и те, кому станет теплее в этом мире.

Поверьте, стихи не придумываются. Каждый может записать, надиктованные тишиной, стихи. Слушайте тишину. И записывайте.

Проза сложнее. Её надо придумывать самому. Но перед этим нужно жить с людьми. Иначе они не поймут того, что вы придумали.

И того и другого я мог бы написать много. На старте, в шестидесятых, усталые голоса сотрудников печатающих органов, объяснили мне, что в сплоченных рядах советских литераторов, для меня места не найдётся. Без объяснения причин. Настойчивостью Великих я не обладал. Писать, как им надо, не умел.

Пошёл в программисты. Мгновенно стал хорошим начальником. Неожиданно стал начальником

СКБ. В девяностые, безработным, слепил машиностроительное предприятие с советским названием Продсельмаш. Горжусь тем, что тысячи моих машин мерцают в лучах расцветающей России.

Спасибо моим сокурсникам по НЭТИ, Владимиру Солдатову, Владимиру Пономареву, Михаилу Годкину, Юрию Григорьеву. Года три назад они разом заговорили, а живут они в разных городах. В Новосибирске, В Сан Диего, и даже в Санкт Петербурге. Они помнят мои стихи и песни. Даже те, которые я забыл. Сказали, надо сделать книжку. Одновременно. Возможно тишины наслушались.

Рукописи у меня не сохранились. Полвека прошло. Все что вспомнил, найдёте в этой книжке. Вспоминая, разгорелся, и написал за два года больше чем за пятьдесят лет. Получились отрывки из того, что я мог бы написать.

Главный соавтор жена Таня. В нашем возрасте не спится.

Лежим. Она не спит. А я не пишу. А кто пишет не знаю.

Надеюсь, что наши французские внуки, когда-нибудь будут нами гордиться...

Станислав Логвиненко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Покорённые души

Мы все писали понемногу. Кто-то хуже, кто-то лучше.

Мы – это члены литературного объединения (ЛИТО), а по совместительству – студенты Новосибирского Электротехнического Института. Периодически, кто-нибудь из нас выходил на «эшафот» с новой подборкой стихов. Почему эшафот? Да потому, что более беспощадной критики я с тех пор нигде и никогда не слышал. И как-то раз со стула поднялся юноша и стал читать свои стихи:

*«Теперь, ты понимаешь,
В пустующих хорах
Разгуливают мыши
В серебряных чулках.»*

В тот момент я понял, что Слава – лучший из нас. Сказал ли я ему об этом? Конечно, нет. Тогда такое не говорили. Но зато я могу это сказать сейчас.

Прошло более пятидесяти лет, но я до сих пор помню это стихотворение. Помню лучше, чем он. Когда несколько лет назад он записал его по памяти и дал мне прочитать, я ему сказал, что мне нравится больше оригинальный вариант.

Стихи о войне занимают в творчестве Славы особое место. В них нет надрыва, нет пафоса. В них есть только правда. Вот, например, первое четверостишие из стихотворения «Первый эшелон»:

*«Свежо блестит плакат фанерный,
Нарядны платья юных жён,
Когда на фронт уходит первый,
Уходит первый эшелон.»*

Мне, как и многим другим из моего поколения, это стихотворение очень близко. Два дяди моей жены были в этом эшелоне. А юная жена одного из них вскоре родила девочку, которая никогда не видела её папу. Мой восемнадцатилетний троюродный брат в первые дни войны был сброшен на парашюте прямо в расположение немцев. До земли он не долетел.

Хочу привести отрывок из стихотворения «Вдова»:

*«... Каждый год в начале мая,
На дощечках, у реки,
Ты стираешь и стираешь
Гимнастёрку и носки.»*

В этих, казалось бы, простых деталях, автор показал всю трагедию войны.

Слава относится к послевоенному поколению, но иногда кажется, что он был на войне:

*«Снова майская зелень, как прежде, чиста,
Только молодость наша ушла навсегда.
Потемнела эмаль боевых орденов,
Но война не уходит из утренних снов.»*

(«Песня про Победу»)

Сдержанность очень характерна для творчества Славы. Даже в стихах о любви вы не найдёте чувств, переливающихся через край. Зато вы найдёте это:

*«Если есть в мире счастье, то только одно
И его называют Татьяна!»*

Или это:

*«Но такой земной и грешный,
Мир и мысли закрывал,
Ослепительный и нежный,
Твоего лица овал.»*

Его любовь к родителям тоже не нарочито декларативна. Стихотворение «Папа» тому пример:

*«Мир перевернулся под ногами.
В мёрзлый снег цветы втыкаем мы.
Понял он, что холодно там маме.
Вот и умер посреди зимы.»*

А вот как Слава пишет о мужской дружбе:

*«Сколько поворотов позади,
Мост назад навеки уничтожен.
Если мы друг друга предадим,
Бог уже России не поможет.»*

Фальши в стихах Славы нет. Зато юмора и метафор хоть отбавляй:

*«Разбуждено утро
Прохладой зари.
Бледны, как утопленники
Фонари.»*

Или это:

*«Был снег не тронут
Беспардонно.
Я сделал тронутым его.»*

А мимо этого «заявления» я просто не мог пройти:

*«Врач сказал... А к старости врачами
Я оброс, как ржавчиной корабль.»*

Слава может быть и серьёзным. Всем известна декларация:
«Поэт в России больше, чем поэт». А Слава написал:

*«Убивать поэтов перестали
Нет их. Да и просто не нужны.»*

Годы берут своё. Отсюда и эти строчки:

*«Нам семьдесят.
Не бросим улыбаться мы.
В брюзжанье нас ещё не упрекнуть.
Ведь семьдесят почти равны семнадцати,
Лишь только впереди короче путь»*

О прозе Славы я много говорить не буду. Прочитаете сами. Скажу только, что юмор и метафоры он принёс и туда.

Нравится ли мне всё в этой книжке? Конечно, нет. Но то, что нравится, я буду помнить следующие 50 лет.

В заключение, я хочу процитировать несколько строчек из его стихотворения «Последний загул»:

*«И пускай мне простят,
Очевидно, последний загул
Покорённые мной,
Но меня не простившие души.»*

Прочитав эту книжку, я не нашёл ничего, за что Славу надо прощать или не прощать.

А души он покорит.

Мою покорил.

*Михаил Годкин,
Староста ЛИТО в середине 60-х годов*

1. Стихи

Ассоль

Под парусами, багровея.
Со всех морей приплыли Греи
Собравшись в стадо на причале
А где Ассоль? Они кричали.

Кругом прибрежные избушки.
А на завалинках старушки.
У всех в руках сетей обрывки
От золотой остались рыбки.

2020

Баня и птах

Шёл я по лесу с грибами
Хлынул дождь, и я промок.
Вдруг в листве возникла баня!
И не баня, теремок!

Из трубы дымок клубится.
С занавесками крыльцо.
Над крыльцом скучает птица
С человеческим лицом.

Птах, он создан для полёта.
Но сейчас он не летел.
На ногах у птаха боты,
Чтобы, как Киркоров, пел.

Пел про чудные мгновенья.
Про тачанку и Варяг.
И про то, чтоб объявление,
Прочитал я на дверях.

Ржавым гвоздиком прибито.
Что ж его не прочитать.
«В среду с двух до трёх закрыто
Счас открыто. Не стучать.»

Я вошёл. Две длинных лавки.
Стол под скатертью льняной .
И бумажка на булавке.
На бумажке – «Выходной»

А в шкафу наборы мыла.
Я ни видел столько мыл.

Есть набор от крокодила.
И от импортных бацилл.

Мыло есть и от ковида.
Земляничное на вид.
Ноги вымыл. И ковида
Разбомбил метеорит.

Мыло есть, не мыться чтобы.
Чтоб исчез нечистый дух.
Есть для левой части попы.
Есть и сразу же для двух.

Мыло есть от геморроя.
Только если не герой.
Потому что у героя
Не бывает геморрой.

Что то я увлёкся мылом,
Как какой-нибудь бандит
Дверь, открывшись, зазвонила.
В ней красавица стоит.

Вижу, мне она не рада.
И торопится уйти.
«Мама вам сказала надо
Полотенца принести.

Уберите пальцы с сердца,
Птах не имя соловья.
Вам от мамы, полотенца.
Мыло, выдумала я»

Или нет, не говорила,
Ничего и ни о чем.
Полотенце положила,
Мне на левое плечо.

Дверь тихонько отворила.
Помахала мне мешком.
И ушла. Смеясь над мылом.
К маме. Лесом. Босиком.

А в парилке все дощечки
Пригнаны одна к одной.
Камни раскалённой печки.
Пахнут пивом в выходной.

Веник в тазике дубовом.
Распушился как букет.
Потолок отполирован.
До света. А лампы нет...

Лампы нет. Но нет и черта.
Даже ангел раб судьбы.
Я теперь пишу отчёты.
И порой варю грибы.

Бани нет. Ну что такого.
В мире есть всему предел.
Птах, с улыбкой Табакова,
В ботах в небо улетел.

2021

Телевизор

А будет эта безделушка
Подсказывать как дальше жить.
Привяжет к заднице подушку.
И кальвадос отучит пить.

Приучит сердце к послушанью
Как кнут, как вожжи у коня
Подскажет нужные желанья.
Для укрощенного меня.

2018

* * *

Были птицы на сцене белыми,
Белой музыкой опьянены.
Птицы крылья вздымали белые.
Только я за крыльями белыми
Видал черные крылья войны.

В серый шорох сукна одетая,
В сапогах для ноги мужской,
Нам казалась она Одеттою,
Нам казалась она святой.

А когда в ее грудь ударила
Равнодушной рукой война
На груди заиграло зарево,
А казалось, что ордена...

1975.

Земля.

Франция.

Овер сюр Уаз.

Братская могила.

Ван Гог.

В отдаленье от Парижа.
Ну, а может и поближе.
Это ж Франция, она,
Безразмерная страна.

Жил художник. Пил абсент.
Имя мастера Винсент.
Впрочем, он абсент любил,
Но коньяк он тоже пил.

Краски, кисти, холст, треножник.
Начинает день художник.
Топчут рваные ботинки
По булыжникам тропинки.

Утро. Улицы пустые
Воробьи, как запятые.
Прыгают. И пыль глотают.
И до смерти дни считают.

Мир – симфония сюжетов.
Не живых сюжетов нету.
И дарована рукам
Тайна вечного мазка.

Скоро вспыхнет от мазков,
Плесень душных чердаков.

Сотни. Тысячи холстов.
Ждут, когда придёт потом...

Щёлкнул ржавый пистолет.
Есть цвета, Ван Гога нет.
Храм хрипел. И ветер выл,
В дебрях спутанной травы.

Мир построен из утрат.
Что для мира, чей то брат.
Только Теодор Ван Гог.
Без Винсента жить не смог.

Все у них теперь в порядке.
Вместе спят на общей грядке.

Синяя, витая туча,
Снизилась из тучной кучи.
И на братскую могилу
Две дождейки уронила...

Торопливо, по музеям,
Пробегают ротозеи.
Но с годами стали круче.
Взбаламученные тучи.*

Июль2019

“Взбаламученные тучи” - метафора Винсента Ван Гога

Вдова

Как на площади солдатки,
Да сермяжные платки.
А солдатам плащ-палатки
Грустно горбят вещмешки.

Шеям тяжесть автоматов.
Душам, порванная жизнь.
И с солдатками солдатам
Разойтись, да не сойтись.

Годы – кадрики с экрана.
И не выключить экран.
Годы заживляют раны,
Чтобы жил для новых ран.

...Каждый год в начале мая,
На дощечках, у реки,
Ты стираешь и стираешь
Гимнастерку и носки...

1967

Вдохновение

Когда бумажного приборя
Валы ломают карандаш
Лови мгновение любое
На абордаж! На абордаж!

Стучат картошкой по бортам
Моих друзей босые пятки
И окровавлены перчатки,
Теснимых к мачте пуритан.

Благословенные минуты!
Через поверженных, вперед!
Одна, заточена в каюте,
Сидит красавица и ждет.

Через мгновение над нею
Склоняюсь рыжей бородой,
И на груди ее тугой
Холодные ладони грею.

Друзья пускают ром по кругу.
Крепчает ветер. Напролет,
Который час команда пьет
За капитана и подругу...

Наутро пушечные силы
Конец попойке возвестят.
За борт товарищи летят,
Завернутые в парусину.

1971

Надо бы великую спасать

В.И. Солдатову

Сколько поворотов позади,
Вот и виден огонек причала.
Нам пора итоги подводить.
Мы же начинаем все сначала.

Выброшены напрочь из судьбы
Самые талантливые годы.
Позади иллюзия борьбы
За благополучие народа.

Ничего не зная наперед,
Мы б и дальше прежний крест носили.
Но ведь под развалинами ждет,
Ждет своих спасителей Россия.

«Надо бы великую спасать», –
Только лишь судачат миллионы.
Родину похожую на мать,
У которой выкрали талоны.

Сколько поворотов позади,
Мост назад навеки уничтожен.
Если мы друг друга предадим,
Бог уже России не поможет.

07.11.1991

Внуку Саше Буше

У меня растут года.
Вот уже тринадцать.
Что же делать мне тогда,
Чем мне заниматься?

Может книжек прочитать
Десять миллионов.
Может быть артистом стать,
Лучше всех Делонов.

Может выкрасить забор
Как пейзаж Ван Гога.
И на красный светофор
Перейти дорогу.

Папу в росте наверстать.
Быть красивше мамы.
Нет. Самим собою стать.
Умным и упрямым.

24.02.21

Воспоминание о Золотой рыбке

Я был тяжело ранен,
Хоть кровью не истекало
И было вполне здорово
Мое восьмидесятикилограммовое тело.

Я искал спасенья
В Бодлере
В воинственном его скептицизме,
Я тонул, привычно хмелея,
В безграничной тоске Есенина,
Меня успокаивал ненадолго,
Летающий из пустоты неба,
Святой плач Лорки.

И совсем не понимаю, как,
Твое сердце добровольно заплыло
В оставленные по забывчивости сети,
Совершенно не годные
Для употребления.
И оно, это твое сердце,
Безыскусственной своею добротой
Напоминало золотую рыбку.

Я хохотал над невзгодами,
И если, как у всех неудачи
Мои были последовательными,
То неожиданно для себя
Я сделал потрясающий вывод
О возможности последовательного счастья...

Торжественно вздыхала кофеварка
И словно фужеры поднимались
Две глиняных полулитровых чашки
Дымящимся, наполненные антрацитом.

И теперь над моим изголовьем
Поднимались глаза иллюминаторы,
В которых сквозь бурю волн
Был виден долгожданный берег
С качающимися от солнца пальмами.

Лишь только иногда, ночью
Я вздрагиваю от щемящей боли –
А вдруг золотая рыбка
Уже выполнила последнее желанье...

1973

Вот и все.

Эпилог.

Лампочку объесть наполовину.
Сгрызть. И поплевать себе на спину.
Ухом рывкнуть. Погасить болид!
Ты преодолел радикулит!

Пролог.

Любовь. Это выстрелил в солнце наган.
Любовь. Простыня, а под ней океан.
Любовь. Это сбитая с толку весна.
Не знает. Никто. Про любовь. Ни хрена!

2021

* * *

Все вытоптать
И все начать сначала
Никто не сможет,
Даже если бог.
Она всегда
Молчала и молчала.
Счастливой стала.
Ну, а он не смог.

Рекой,
Прозрачней воздуха над снегом.
Прохладнее, ладони на спине,
Она течёт,
Где он не разу не был.
Он там,
Где только
Трещины в стене.

1970

Г.П. Лыщинскому

Вы не знали ни сомнений, ни усталости,
Ваша жизнь была прекрасна и светла.
Не налить ли нам вина, Георгий Павлович
Выпьем вместе за хорошие дела.

Первым быть, не зная сна, не зная отдыха
Быть всегда интеллигентом и борцом...
Вами столько замечательного создано,
Что хватило бы на десять мудрецов.

Вы оставили России город сказочный
Умный город, настоящий, без прикрас
Улыбнитесь нам с небес, Георгий Павлович
В этой жизни как-то холодно без Вас.

2012

*Лыщинский Г. П. (1922 – 1995) Основатель и ректор
Новосибирского электротехнического Института,
ныне НГТУ. Почетный гражданин Новосибирска.*

Гадалка

Раскинула карты,
А карты, как нарты.
Летят в неизвестность
Картонные карты.

Молчит и мерцает
Морозное небо
Колода шуршит,
Как полозья по снегу.

Портъеры колышутся,
Кружатся звуки.
Над скатертью движутся
Тонкие руки.
Прозрачные руки,
Две смуглые вьюги.

А волосы вьются,
Смеются, поются.
Лицо северянки,
Как смуглое блюдо.

Над ним,
Поднимая лохмотья тумана,
В тяжелые бубны
Колотят шаманы.

Царица снегов,
Ты грустишь и гадаешь,
Зачем?
Если все ты о будущем знаешь.

Я лучше потом,
Через век от начала,
Узнаю,
Что просто ты жизнь нагадала...

Разбужено утро
Прохладой зари.
Бледны, как утопленники
Фонари.
И ржавый трамвай,
Дребезжа и звеня,
Несет на работу
Толпу и меня.

Теплее меня.
Веселей и добрей
Включает моторы
Орда токарей.
Зевком подавляя,
Привычный зевок,
Я тоже включаю
Зеленый станок.

А где то несутся
По бешенству марта
В оленьей упряжке
Нелепые нарты.

1967-2020

Д. Марьянович

Рань. Калитка хлопнула.
Небо полупьяное.
Босиком, заветная,
Ты ко мне идёшь.
Эту песню выдумал,
Югослав Марьянович.
Что б ни пел Марьянович,
Получалось, Дождь..

Вот и всё. Мне слышится,
Песня мимолетная.
Музыка гитарная.
Синие слова .
Пахнут древним тополем
Крылья самолетные .
И растёт над рельсами
Жесткая трава.

1964

Дикая малина.

Оксане

Мы с тобой не просто
По лесу гуляли,
Дикую малину
Под дождем собирали.
Мокрые колючки,
Мокрые кусты...
Но за тёмной тучей
Небо видишь ты.

В парках ли Парижа,
В центре ли Берлина
Пахнет не малиной
Спелая малина.
И куда бы все же
Ни попала ты.
Помнят твою кожу
Колкие кусты.

2019

Елка.

Ёлка, дачная соседка,
Мне лицо кольнула веткой.
А бурундучок потом
Щёку щекотнул хвостом.

Теплота по пальцам шла
От промерзшего ствола.
Где-то детство. И зима...
Я опять сойду с ума.

2020

Жара.

Не кончается жара.
Жжёт небесный аппарат!
Лужи на фиг пересохли.
Комары попередохли.
Даже высохшие пни,
Лезут спрятаться в тени.
Да ещё приводит в дрожь
Пёсий жалобный скулёж.
Из кустов кричала бабка –
Смолкни мерзкая собака!
И пошел я с помелом
К водокачке за углом.
Пес лохматый хочет пить.
Надо кран ему открыть.
Я открыл собаке кран,
И завыл от рваных ран.
Пес, пока я кран крутил,
За ногу меня схватил.
Молчаливо потаскал.
И водички полакал.
Кровь бежит. Я испугался.
Ну, а пес домой умчался.
Речь возобновила бабка -
Ну, проклятая собака!
Хоть бы чёрт тебя побрал
Вислоухий либерал!

2019.

* * *

*Жду ль чего,
Жалею ли о чем.
М. Лермонтов*

*Не жалею. Не зову.
Не плачу.*

С. Есенин

Щёлкнул выключатель на стене.
Света нет. Со свечкой. На дорогу.
Выхожу один. И слава Богу,
Вышина. И звезды в тишине.

Путь кремнистый холодно блестит.
Яблоневого дыма росой плачет.
И звезда с звездой говорит.
Господи! А как же жить иначе?

Холмик глины. А под ним. На дне.
Снятся сны. И грудь устало дышит...
Карапуз. На розовом коне.
Не жалеет. Не зовет. Не пишет.

2020

Камчатка

Ты хочешь. Мы поедem на Камчатку.
Твои колени натеплит вулкан.
А я на пепел постелю перчатки.
А ты достанешь виски и стакан.

Ты скажешь: «Мы тебя назначим графом!
А я с тобой останусь навсегда.
И по фигуре пьяного жирафа.
К Луне ползет грустная звезда».

2020

* * *

Клюква пахнет сказкой
Сказка пахнет лаской.
Ласка пахнет кремом.
Крем брусничным джемом.
Тапочки зайчишкой.
Лампочка звездой.
Мама пахнет книжкой.
И святой водой.

2021

Компот

Страна не та.
И мир не тот.
Теперь никто
Не пьёт компот.
Из термина продукты
Исчезли сухофрукты.
А я сушёной грушей
Гармонию нарушу.
Я смою с груши
Самарканд.
Я положу ее в стакан
Залью водой из крана
И выпью из стакана.

2020

Коронавирус.

Мой компас, он мудака.
Магнитная зараза!
Ведёт меня туда,
Где не был я ни разу.

А там куда ни глянь,
Невидимая миру,
Владычествует дрянь,
Похожая на мину.

И мир, как сам не свой,
Ползёт к нему, скотина.
Ведь знает, он живой!
И он умнее мины.

2020

Космонавт Корзинкин.

Над жестокою планетой,
Чтоб ее покинул бес,
Зная, что надежды нету,
Всё ж создали МКС.

Много лет она летает.
Бог успел бы всех простить.
А земляне размышляют,
Как друг друга укусить.

Коль в России после санкций,
Не созрел электорат.
Надо геев с лесбиянкой
Запустить на аппарат!

Посопротивлявшись, НАСА,
Лишь отсрочила момент.
И конгресс, единогласно,
Утвердил эксперимент.

Пусть докажут геи миру,
Что в России нет свобод.
Что и Путин и Кадыров
Угнетают свой народ.

Бороздил корабль пространство.
Голубой Земля была.
Только вот про лесбиянство
Астронавка наврала.

Хоть сказала, улетаю,
Всем подружкам и друзьям:
«Я не только голубая.
И транс гендерная я!»

Мама дочку лучше знала,
Повздыхала тяжело.
И порекомендовала
На орбиту взять сверло.

Шла космическая вахта.
Но природа верх взяла.
Потому, что астронавка
Ненасытной была.

К землякам идёт с мольбою:
«Помогите мне друзья!»
«Нет! Мы племя голубое.
Не умеем. И нельзя!»

Можно б с русским суперменом.
Согласится, спору нет.
Это родине, измена!
Это срок в полсотни лет!

Нет бумаги туалетной,
У прокладок срок истёк.
А российские котлеты
Встали в горле поперёк.

Тут ещё и Улан-Батор
Проплывает под стеклом.
Плюнула в иллюминатор,
И полезла за сверлом.

Вот компьютер объявление
Произносит в тишине:
«Уменьшается давление,
Не намного, но вполне».

Астронавты суетятся.
В голосе дрожит мольба:

«Надо срочно приземляться,
А иначе всем труба!»

Мир вскипит. Ему забава.
Взвеселится голытьба.
Холм в степи. На нем держава.
Над державою труба!

«Рано запаниковали, –
Космонавты говорят, –
Мы ж причины не искали.
Не чинили аппарат».

Отыскали где-то свечку.
Свечку спичкою зажгли.
Через полчаса утечку,
С нужной точностью нашли.

Говорит Степан Корзинкин:
«Тут делов на пять минут.
Две жевательных резинки,
И отверстие капут!»

Но развитие событий
Астронавты отмели:
«Вы ребята подождите
До решения Земли.»

Космонавт Степан Корзинкин
Произнес: «Та-ра-ра-ра!»
И приклеил две резинки
На дырявый аппарат.

И сейчас они летают.
И науку шевелят.
И под ними голубая
Улыбается Земля.

Крошка сын.

*Крошка сын к отцу пришел.
И спросила кроха,
Что такое хорошо?
Что такое плохо?*

В. Маяковский

Дождик капал на балкон.
Он противно капал.
Что такое триллион?
Я спросил у папы.

Папа он умней всего.
Он у нас полковник
Пугачева про него
Грела подоконник.

Десять мне наступит как.
Стану я мужчиной.
Папа купит Кадиллак
Или Ламборджину.

«Расскажу», – ответил он,
И взмахнул граблями, –
«Что такое триллион,
Если он рублями.

Вот, смотри», – сказал мне он.
И достал две пачки.
«Тут всего лишь миллион –
Это для заначки.

Миллиард он ,обормот,
Требует ухода.
Подойдёт ему комок ,
Или два комода.

Кабы не было чего,
От молвы народной.
Прикопаем мы его
Почвой плодородной.,

Ночью выйдешь под луной,
Ковырнешь лопаткой.
Раздается звук родной...
Значит все в порядке!

Размышляет в тишине
Шеф наш гениальный.
Много, что ещё в стране,
Недооптимально.
Куролесит естество.

Жаждет изобилья.
Деньги лепит для того,
Чтобы деньги были!

Только времени-то нет,
Торопиться надо.
Как московский кабинет,
Так оптимизатор!

Всем про отпуска забыть!
Даже если лето.
Чтобы триллиону быть!
Каждому, при этом!

Закипит в мозгах бульон,
Вот она, свобода!
Потому что триллион –
Тысяча комодов.

Но всего чуть-чуть, труда
С благородством в роже.
Заграница есть всегда.
И она поможет .

И помчатся поезда
По большому миру
В самых лучших городах
Купим мы квартиру.

Там здоровье берегут.
Каждый берег южный.
И на каждом берегу,
Пугачева с мужем!

Там не падают снега.
Не нужна лопата.
В каждой комнате слуга.
И по самокату!»

«Есть ещё сиксиллион?
Говорят ребята!»
«Вот уже секстиллион,
Можно и не прятать»...

Эпилог.

Если я и переврал,
То совсем немножко.
Потому что убирал
Под дождём картошку.

Сентябрь. 2019.

Львов

Костёлы, монастырь, трамвай.
Архитектуры конъюнктура.
Церквушки, улочки, скульптуры.
Брусчатка, жухлая трава.

И ты, красавица на камень
Ступаешь белыми ногами...
Ступаешь и уходишь прочь.
И исчезаешь... Я и ночь.

Да я и ночь. И ночь галера.
Я к ней прикован. Раб в очках.
Какая ж всё-таки холера
Вас выдумала, девочка.

Пробуждены ночным угаром
Шопен с Коперником на пару
Ко мне спускаются со стен.
И с ними сам Станислав Лем.

Я окружен кирпичной кладкой,
Средневековьем окружен.
Но как бродяга и пижон
В твои глаза взгляну украдкой.
А в них Мицкевич отражен.

Я твой, до судорог, до воя.
Тот самый он от лба до пят.
И если в этот телефон
Скажу я что-нибудь такое,
То провода перегорят!

1968

Ловцы жемчуга

Глава из поэмы

«Внимание, Атлантида!»

Великаны ветры юга
Вейте, войте!
Рыжим духам,
Колдунам и колдунихам
То-то дикое раздолье!
То-то стонов,
То-то воплей!
А во поле, в чистом поле
Жемчуга ловцы кочуют.
Без набедренных повязок,
Безалаберно кочуют.

Песня ловцов жемчуга

А нужно то было
Двенадцать жемчужин,

А день был последним.
Последним. По плану
Всего не хватало
Двенадцать жемчужин.

А значит и голод.
Продуктов не будет
Отпущено –
Невыполнение плана.

Ныряли младенцы,
Мужчины
И бабы.

Ныряли четыре часа
И минуто.

Тринадцать младенцев
Сожрали акулы.
Четырнадцать баб
Утонуло, а после

Горели костры.
Горизонты пылали.
В плащи
Старики с головой завернулись.

А нужно то было
Двенадцать жемчужин .

1966

* * *

Вечер. Мама гладит занавески.
Стекла окон вымытых, темны.
Мама верит, что мои невесты.
Будут и красивы, и умны.

А весна, как мама, молодая
Ну а я, а кто же это, я!
Господи, зачем все это знает
Чистый запах белого белья!

2021

Мама.

Я куплю себе ЗИС-5
С деревянным кузовом
И поеду кочевать
К Волге за арбузами.

Я найду в степи арбуз
С теплыми полосками
Фантастический арбуз,
Как Земля из космоса.

В нем прохлада, чистота,
Мякоть цвета пламени.
Положу его к цветам
На могилку мамину.

Дунул мягкий ветерок –
Мама улыбается.
Знала мама, что сынок
Все же догадается...

2018

Марфа

Марфа плачет.
Марфа, семечки под стол.
Муж у Марфы
Да с германской не пришёл.
Наши бабы
Вырастают из травы.
Наши бабы
Потому то из травы,
Что у каждой
Под корнями и травой,
Братски тлеет
С не героями, герой.

1967

М. И. Годкину

В Америке всегда другие сводки.
В Америке погода, хоть куда
В неё мой друг уехал, Миша Годкин.
И я предполагаю, навсегда.

Но будет помнить, как снежинка тает.
И что травинка огурцов сочней.
Россию никогда не забывают.
И дышат с ней , и выживают с ней!

Наш шар не распилить. К разновременью
Привыкли все. Оно не тяготит.
Но я все чаще чувствую мгновенья,
Что я не сплю, когда и он не спит.

2021

* * *

Не уснуть. Настали многие печали.
Голова мокрее чеснока в груздях.
Гвозди, как в ладонях, в потолке торчали.
И давила в сердце шляпка от гвоздя.

Холод, мрак, а в тучах звезды не заметны.
Спят жена и дочка. Пьют вино друзья.
Каждому до солнца миллиарды метров.
Мокрая подушка. Каждому своя

2020

Москва

И ты, Москва
Серебряные улочки.
Весна.
Священнодействует апрель.
Гуляет под карнизами,
Который час
Прозрачный звон,
А, попросту, капель.
О лада,
О капроновая девочка,
Я Вам про эти
Апельсины звезд.
И город для меня,
Уже который час,
Смесь площадей
И пепельных волос.

1967

* * *

На горах Алтая, снег лежит, не тает.
На горах Урала, снег до сентября .
Голубику кедры охранять устали.
Понимают кедры. Охраняли зря.

У хвои кедровой теплота ресничья.
На пихтовых лапах, в зелени, весна.
Тайны вечных елей греют крылья птичьи.
Мягче мха, лишь только, сон и тишина...

2020

* * *

На обезглавленной земле
Не встретишь юных тополей.
Про то потеряны слова,
Как пахнет липкая листва.
А пух влетает к вам в окно.
Напоминая, что давно,
Пушинки, льнувшие к земле.
Рождали стебли тополей.

2020

Надоело.

Вихрем позднего листопада
Закружило меня, завертело.
Ничего мне уже не надо
Надоело все, надоело.

Побеждать надоело в споре,
Отвечать на любые вопросы.
Надоело мечтать о море
Цвета медного купороса.

Находить надоело лекарства
От всеобщего беспредела.
То, что мнит себя государством
Надоело мне, надоело.

Надоело предчувствовать тучи,
Знать, кому раздавать проклятья.
Надоело делать, как лучше,
Создавать надоело объятья.

Ничего уже не исправить
Даже помня о тех с кем вместе.
Да и некому сердце оставить
Разве лишь прислонить к поднебесью...

Разбуди меня среди ночи,
Оплети полированным телом:
«Неужели и жить ты не хочешь,
Неужели и я надоела?»

1995

Нам семьдесят

Нам семьдесят.
Идёшь, хрустя коленями,
Снимать с капустных листьев червячка.
И думаешь, что ты лысее Ленина,
И даже самого Бондарчука.

Нам семьдесят.
Сидишь. Считаешь пенсию.
Глядишь через замёрзшее стекло.
Французу хватит пенсии до Персии.
А мне до магазина за углом.

Нам семьдесят.
Живёшь, на жизнь не сетуя.
Ты, наконец, до истины дошел.
Прекрасны тыщи девушек одетыми,
И только единицы голышом.

Нам семьдесят
Раз в месяц, после пенсии,
Пьем пиво за технический прогресс.
И поминаем Горбачёва с Ельциным,
А, заодно, Обаму и конгресс

Нам семьдесят.
Но, наконец, с ребятами,
Мы разрешили каверзный вопрос.
Как огурцы, что в банки не закатаны,
Перегонять на сидр и кальвадос.

Нам семьдесят.
Не бросим улыбаться мы.
В брюзжанье нас еще не упрекнуть.
Ведь семьдесят почти равны семнадцати,
Лишь только впереди короче путь.

Нижняя Ореанда

Вьются шторы. Шторм крепчает.
Юбки хлещут по ногам.
Волны умопомрачают,
И утюжат берега.

Быт курортный влез в ботинки,
Ходишь, бродишь без конца.
Царские ведут тропинки
Прямо к сталинским дворцам.

Воздух чист, как звон бокалов.
Чётки контуры теней.
Солнце высинило скалы,
А волну ещё синей.

Кедры. Пальмы. Туи. Тисы.
Всех и не пересказать.
Зеленее кипарисов,
Только ведьмины глаза.

Под платаном, он из рая.
Вечность веткам не предел.
Были оба Николая.
Вот и я тут посидел.

Вместо эпилога

Ялта
Ресторанчик. Дым клубится.
Слышен булькающий звук.
Краснорожие туристы
Под мускат сосут чубук.

Крым. 2019

Папа

Мир перевернулся под ногами.
В мерзлый снег цветы втыкаем мы.
Понял он, что холодно там маме.
Вот и умер посреди зимы.

Все... Теперь не будет печка красной.
Ведро. Уголь. Книги. Снег. Урал.
Окна заморозятся.
А сказку
Он про Аэлилу рассказал.

21.01.19

Первый концерт для скрипки

Май. Мне семь лет. Итоговый концерт.
Он ежегодно в музыкальной школе.
Родители, со счастьем на лице,
Толпятся в полутемном коридоре.

Самозабвенно стулья в тишине
Из классов носят, лавки из каптёрки.
И дядя Саша милиционер,
Он не жалеет белой гимнастерки.

Со стен глядят из-под высоких лбов,
Творцы шедевров звукосочетаний.
Рождённые, с великим дарованьем,
Понять непознаваемость основ.

Такое, только музыке дано.
А я, на взгляды глядя, удивлялся.
Зачем из них никто не улыбался?
А больше всех старался Глазунов!

Я пальцами прохладный гриф обнял.
Подушечку надвинул на ключицу.
Смычок наканифоленный поднял.
Поднял, коснулся струн. И отключился.

Все остальное просто ерунда!
Еловый лес. Заснеженная стужа.
А небом осветленная вода,
Прозрачным звуком наполняла лужу.

Рукоплескали. Стало мне легко.
Я был ребенок. Было мне не лестно.
А дядя Саша, рядом с потолком,
Меня пронес до самого подъезда...

В гробу лежал не бледный, как уснул.
Он утром на дежурство не явился.
В пруду за лесопилкой утонул.
Но говорят, что просто утопился.

Я музыку забросил. Я устал.
Теперь директор я. Я не бездельник.
А скрипку папа Маниным продал.
За пять рублей. За ровно столько денег..

2020

* * *

По Берлину я гуляла.
Осень. Дождь. Прохожих мало.
Но, приезжий папуас.
И меня от скуки спас.
А, спася, шепнул мне в ухо.
Мerkель, не Маклай Миклуха!

2021

Последний вагон

Шёл и думал, что ехать не стоит.
Был пустым полутемный перрон.
А над ним фиолетовый поезд,
И зелёный, последний вагон.

Вечер. Вдумчиво солнце садится.
Тишь. Вокзал, окружённый тайгой
Высь вагона. И две проводницы.
И одна красивее другой.

Пульс зашкалило от удивленья.
В жизни мало волнующих дней.
Предо мною два чудных мгновенья ,
И не ясно, какое чудней.

«Не хотите ли чёрного чаю?»
И заварку кладёт в кипяток.
«Я не чаю хочу», отвечаю.
«Я готов проглотить молоток»

«Ну, сегодня вам будет не скучно».
И она отвернулась к окну.
«Вам какой, с деревянной ручкой?
Или только железку одну?»

А затем улыбнулась вторая.
«Пассажир, посмотрите в окно!
Ах, как солнышко с тучкой играет.
Разукрашивает перед сном.

Вот и звезды уже появились.
Свет зажжём, будет их не видать.

Вы устали. Вы спать бы ложились.
Рельсы кончились. Можно поспать».

Я уснул, свет, оставив включённым.
Мне приснилось – теперь я готов –
Слышать в музыке не сочинённой.
Волшебство непридуманных слов.

А когда захотел по билету.
Я понять, что же было со мной?
Я узнал, что и поезда нету.
И последний вагон прицепной.

2020

Последний загул

Этот вечер, не вечер.
Туман в голове, не туман.
Силуэты на стенах,
Не просто ожившие тени.
Я листаю губами
Лиловое слово лиман.
Колыханье гондол.
И коварные эти колени

Я гитару достал.
Без гитары я жить не могу.
Можно петь и не петь.
Можно слушать, и можно
Не слушать.
И пускай мне простят,
Очевидно, последний, загул.
Покоренные мной,
Но меня, не простившие, души.

1971

Прерия

Пекло. Конь. Столбы. Казах.
Он в вельветовых штанах.
Изможденные вороны
Изнывают на столбах.
Кочевая жизнь не мед,
Но казах о ней поет.
А вороны грустным взглядом
Провожают самолет.

1971

Признает ли, Господь?

Признает ли, Господь,
Построенные храмы?
Живет ли в храме дух,
Построивших его?
Заполонили мир
Бездельники и хамы.
Храм, просто кирпичи.
И больше ничего.

Храм! Врать и жрать нельзя!
Но если, понемногу..
Немного воровать..
Немного убивать..
Добились мы, друзья.
Отчаянья у бога.
И поздно у него
Ботинок целовать.

2020.

Принцесса метрополитена

Вам, принцесса метрополитена,
Фея экзотических дворцов,
Подарил бы нового Родена
Старый балетмейстер Якобсон.

Сцена. Танец. Музыка. Блаженство
Юные, как Вечная Весна.
Как и Вы, вершины совершенства,
Белый он и белая она.

Но, его величество искусство,
Только отраженье, только сон.
В сотни раз сильнее Ваше чувство –
Вы одна. А с нею белый он.

1970. Ленинград

* * *

Н.М. Павловой, врачу

Как бы жизнь не напала. Вам,
Если встретится беда,
Бросив всё, поможет Павлова,
Бескорыстно. И всегда!

2018

* * *

*Ольге Миллер
Профессору медицины*

Профессий в мире не пересчитать.
И на врача возможно научиться.
Но большинство годны лишь врачевать.
Излечивать способны единицы.

2018

* * *

Прочь, друзья и недруги!
Зеваки, прочь!
Прошу вас,
И выстрадана просьба эта.
Пусть станет спокойно,
И будет ночь.
И теплое,
Словно в детстве
Лето.
Не знаю кто,
Но они зажгут
Огромные, по деревенски,
Звезды.
И я, наконец,
Навсегда упаду
В объятия ваши
Седые березы.

1975

Пыль на подоконнике

Кровать стояла посредине комнаты.
Я вам читал беспомощные строчки.
А вы лежали и подушку комкали
И падал снег. И получались точки.

Еще потом, ещё когда-то в будущем
Столпятся непридуманные строчки,
Троллейбус в восемь и газета в булочной
И именины надо справить дочке.

Вы поняли, вы все конечно поняли –
Я раб покорный, я маршрутный транспорт.
Я водка в долг. Я пыль на подоконнике.
Я будни от получки до аванса.

1970

Пятнистая Луна

Ночь над лужею лежит
Ветер в стёклах дребезжит.
Мокрый лист прилип к окошку
Кошка в чердаке визжит.
Ложка плавает в сметане
Друг сидит на чемодане.
Он с женою поругался,
В пятый раз уйти собрался,
И опять ко мне явился.
А не то бы застрелился.
Хватит, друг сказал устало,
По своим ходить следам.
Много думать – это мало.
Водка тоже ерунда.
Как сказал знакомый плотник,
Забегая за рублём.
Лексус с бабой – беспилотник,
Если баба за рулём.
И такую красоту,
Объезжают за версту.
Кем ни стала бы девица,
Генеральшей ли, царицей
Главной ледею страны.
Муж ей нужен для войны.
Муж, он должен понимать,
Как решенья принимать!
Не докажешь же в постели,
Кто он есть на самом деле.

Но зачем тогда стихи,
Сочиняют мужики?

Гениальность проявляют.
И к барьеру вызывают?
Пушкин, он не сомневался,
И уверенно стрелялся.

Ну, верна иль не верна?
Это ж Пушкина жена!

Спит селёдка в океане.
Друг сидит на чемодане.

Можно думать перестать,
Да гитару бы достать.

Но гитара в сундуке.
А сундук на чердаке.
Ключ от чердака в корове.
А корова в Судаке.

В позапрошлые года
Другу рад я был всегда.

Сало резали ножовкой,
Запивали спирт перцовкой.

И бутылки в два ряда
Под окошком выставлялись,
И пушниной назывались,
И сдавались иногда.

Водку мы теперь не пьём.
За столом мы гвозди бьём.
Ну не бьём, а забиваем,
По гвоздю в один прием.
Мы берём по молотку,

И сосновую доску.
И колотим и колотим,
Словно палкой по виску!

После каждого гвоздя
Вспоминаются друзья.
Их осталось только помнить,
Но вот встретиться нельзя.

Скоро будет тишина.
И усталая Луна,
Вся в следах от детских взглядов.
Ну а больше ни хрена.

2019

Спал мегаполис

Спал мегаполис. Миллионы
Не знали обо мне и вот –
Был снегу не тронут. Беспардонно,
Я сделал тронутым его.

Я сделал вереницу лунок
От остановки к проходной.
Светились лунки словно луны
В снегу оставленные мной...

Смеркается. Веселым строем
С работы топает толпа.
Который день бесперебойно
Функционирует тропа.

Она бессмысленно виляет,
Она выпячивает грудь.
И повторяет, повторяет
Проложенный с похмелья путь.

1971

* * *

Р. Караклаич

В песнях у Радмилы
Тайны вечной Трои.
Голос у Радмилы –
Горная вода:
«Я дождусь, мой милый,
Дверь тебе открою.
Приходи, мой милый,
Только навсегда.»

1965

Рак

Врач сказал...А к старости, врачами,
Я оброс, как ржавчиной корабль.
«Вам бы сдать анализы вначале».
Вот и все. Внутри меня барак.
В нем привычно. Днями и ночами.
Жрёт похлебку одинокий рак.

Я напился. Сник. Я испугался.
Стал решать, как правильно дожить.
Врач сказал: «Кажись, я ошибался.»
Вот и думай. Бить или не бить?

2020

Столик на двоих

Ты накрывала столик на двоих,
На кухне, напевая, колдовала.
Шампанское на льду запотевало.
А платье за полгода заказала
У самой знаменитой из портних.
Стол сервирован. Пылесос уснул.
Фиалки полыхают ароматом.
Подумала: «Зачем все это надо?»
И убрала на кухню лишний стул.

1969

Совесть.

Совесть. Вина. И возможным не станет.
Все что хотелось бы переиначить.
Даже уснешь. Но никто передачу
Не принесёт с лепестком на стакане.

Бесцеремонно взмокает подушка.
Тонной на теле лежит одеяло.
Все сговорились! А много ли нужно?
Надо снарядом ударить в начало.

2020

Таежная избушка

Снег, он теплый.
А в снегу избёнка.
Дверь в пол роста,
И внутри темно.
Печечка, печурочка,
Печёнка.
Огоньком
Заменит нам окно.

А в ночи
Над крышей звёзд
Несметно.
Зимний лес,
Загадка красоты.
Спим неслышно,
Мы почти бессмертны.
Но бессмертней
Бездна темноты...

1963-2020

Тане

Года кружились, как снежинки.
Потом летели, как дождевики.
Потом потоком понеслись.
И это называлось жизнь.

Но на щеках твоих, родная,
Снежинки тают, как всегда.
И даже в кухне, как живая,
В ладонях плещется вода

2021

Таня и Волга

Лишь раз приходится родиться.
Когда на свет явилась ты,
Сверкали опереньем птицы,
И мир дурманили цветы.

Слепило небо синевою.
Несли надежды облака.
Жизнь впереди была рекою,
С водой, прозрачней родника.

Потом настали юбилеи.
И, омывая юбилей.
Река мелеет и мелеет.
Бежит быстрее и быстрее!

...На берегу воды безбрежной.
Как воплощение мечты.
Как символ женственности нежной.
Стоишь, уверенная, ты!

2020

Таня и Ленинград

Нас с тобой не обручали,
Не водили нас к венцу.
Нам с тобою не вручали
Депутаты по кольцу.

Храмом бракосочетанья
Стал старинный ресторан.
Обручал на испытанья
Нас брюнет официант.

Он как князь грузинский фатом
К нам на цыпочках ходил.
Был отцом святым и сватом
И свидетелем он был.

А потом светло и хмуро
И не размыкая глаз
Пели древние скульптуры:
«Мы благословляем вас

Ваше счастье» – говорили –
«Будет призрачным как дым».
А над Питером все лили,
Нам, сочувствуя, дожди.

Но такой земной и грешный,
Мир и мысли закрывал.
Ослепительный и нежный,
Твоего лица овал.

1972

Таня и Нотр Дам

Украшенье вечного Парижа,
На мгновенье. Или навсегда?
Женщина с улыбкой Моны Лизы.
И не обгоревший Нотр Дам.

2020

Таня и Фонтенбло

Фонтенбло. Храпит Наполеон.
Спит, не состоявшийся, мессия.
А во сне красавиц миллион.
Только все они живут в России!

2020

Теплота

У ночной рубашки
Теплота от тела
Мама, сняв рубашку;
На меня надела.
Вот и все.
Не сбылась
Ни одна мечта.
Только сохранилась
Эта теплота.

2020

* * *

Тополиную ветку
Поставил в бутылку
Заветную.
Что ей надо замерзшей?
Немного воды и тепла.
Деревяшка засохшая
Тонкая и неприметная
Ожила.
Распушилась.
Зачем же она
Умерла?

2021

Трудно быть лебедем

Лебедей не держите? Не держим.
Как же Вы теперь без лебедей?

Я прекрасно помню зимний вечер,
Дом из бревен, уголок Клондайка,
Узкую кровать под покрывалом,
А над ней на выцветшей клеенке
Выписан искусною рукою,
Безупречно распустивший крылья,
Лебедь гордый, как Наполеон.

Безрассудным движимый порывом,
Я пришел на улицу Попова
К маминой знакомой тете Клаве
А у тети Клавы было шило
И клубок смолистой черной дратвы.
Женщина в беспомощных калошах
Превращала валенки в жар-птиц.

«Здравствуйте» – сказал я «тетя Клава,
Превратите в лебеда меня».
И она проткнула шилом плечи
И прошила черной дратвой пальцы.
Тетя Клава шила три недели,
Через месяц я полебедел.

А потом беззвучными ночами
Я кружил над Вашим изголовьем
И смотрел, как чуть трепещут веки,
Защищая от чужого мира,
Мной для Вас придуманные сны.

Утром тихо вспыхивала печка,
А поленья были как букеты.

Половина с запахом смолы,
Половина пахла апельсином.
Удивлялись: «Пахнет апельсином!»

Только все закончилось не свадьбой.
Забегал учитель рисованья,
Выцветшую выбросил клеенку,
И теперь над вашим изголовьем
Новенький ковер из Бухары.

1965

* * *

У нас есть тётя. И ей сто лет
Грустно вечность хмурится:
«Не спешите баюшки...»
И остался песенкой.
Городишко наш.
Савинова улица,
Тетя Таня с бабушкой.
Уличная лесенка
На второй этаж.

Тетя Таня спрятала
Косу под косынкою.
Раскатала скалкую
Тесто под пирог.
Воздух пахнет сладкою
Яблочной начинкою.
И согрет лампадкою
Древний образок

Лампочка, как луковка
Марлею зашторена.
А сундук за печкою.
Мягче чем диван.
Бегают по пуговкам.
Пальцы дяди Толины.
И поёт для вечности
Старенький баян

2020

Угловатый треугольник.

*Необходимо жить, и жать
И выйти в слесаря.*

В. Соснора

Ах ты, токарь, черный токарь.
Кепка задом наперед.
У тебя в подъезде, токарь,
Таня Ларина живет.

Из квадратного окошка
На четвертом этаже
Смотрит Таня на дорожку,
Недоступная уже.

Безупречна наша Таня,
И красива, и умна.
Самого бы Модильяни
Вдохновила бы она.

Муж у Тани в кандидатах
Всех технических наук.
Генеральские палаты
Предоставлены ему.

После шумных общежитий
Он влюблен в панельный дом,
Современный небожитель
Однокомнатных хором.

Настоящий он ученый,
Свой не опозорит пол.
Он за сборную района
Выступает в баскетбол...

Как в реке без водопадов,
В доме чистота и тишь.
Жизнь семейная – награда,
Если ею дорожишь.

Вечерами, сдвинув кресла,
После чашки кофейка,
Обучаются совместно
Иностранным языкам...

Токарь думал. Он от окон
Черных глаз не отводил.
Токарь словно был под током
В тыщу лошадиных сил.

Вороненое железо,
Цвета Таниных волос,
Он не мог спокойно резать.
Он домой его принес...

Шли секунды и минуты,
Месяцы, календари.
Фонари дремали утром
В ожидании зари.

Разрушались представленья,
Создавались чудеса.
Ожидалось сотворенье,
Чуда, хлеще колеса.

Не пронзен стрелой прогресса,
Токарь шел, но не бежал
Он по-прежнему железо
За Танюху уважал.

Он летал по коридорам
На чужие этажи.
И рождались на шторах
Голубые миражи.

Он в бревенчатых хоромах
Слушал возгласы ночей,
Но хранительница дома
Не дремала на плече.

Выносить фантазий бремя,
Он не мог. Он брал металл
И в металле, как в поэме,
Это все изображал.

Чудеса не может всякий
Обыватель создавать.
Оживали железяки,
Начинали напевать.

И тогда на перекурах
Собирались мастера,
И восторженно, и хмуро
Наблюдали маскарад.

Разбежались – зуд в затылках.
Через час опять сошлись –
Набирали на бутылку,
Без бутылки, что за жизнь?

Лысый слесарь величаво
Мощный палец поднимал
И, покашляв для начала,
Про искусство начинал:

«Мы спешим не торопиться,
Размышляя иногда:
Жизнь не скоро завершится,
И, глядишь, не навсегда.

Я теперь, когда работу
Начинаю поутру,
Жду шедевра, жду до пота.
Без шедевра и умру.

Вроде все сначала точно,
Вдруг – какой-нибудь пустяк.
А когда поставишь точку,
То не так, и все не так.

У великих же иначе.
Недостатки есть, хоть плачь.
Только эти неудачи
Выше наших неудач.

А коллега по железу,
Он старается не зря.
Токари уже исчезли.
Не исчезли б токаря».

Ах ты, токарь, черный токарь.
Кепка задом наперед.
У тебя в подъезде, токарь,
Таня Ларина живет.

Ты с работы на автобу-
се к подъезду подкати.
Подмигни шоферу, чтобы
Вас он с Таней прокатил.

Чтобы ухали колеса
От начала до конца!
Чтоб откосы – не откосы!
Тормоза – не тормоза!

Перекрестки – перекаты.
Светофор, как пионер.
Не догонит вас усатый,
Толстый милиционер.

Не узнает мама Настя,
Папа Танин не поймет.
Да и муж, ученый Вася,
Как-нибудь переживет.

Он хоть муж вполне прилич-
ный,
И жена ему нужна.
Но жена уже привычка
Завтрак утренний – жена.
Стали губы у жены,
Как окрошка холодны.

Женщины не все умело
В нужный миг владеют телом.
И поэтому для них
Недоступен этот миг.
Впрочем, это все лапша,
Если в теле есть душа.

Успокоил токарь душу.
В жизни новый поворот.
Переход от мужа к мужу
Называется развод.

Но в бревенчатом чертоге
Под проклятия ночей,
Кончится эпоха кофе
И начнется век борщей...

Снова утро, как утрата,
Будят нас колокола,
На работу, как солдаты.
Мы встаем из-за стола.

Мы уходим и уходим,
Недовольные собой.
Исчезаем на заводе
И увенчаны трубой.

Наше будущее свято.
Ну, а если что не вдоль...
Настоящие солдаты
Не показывают боль.

Настоящие мужчины
Не волнуются зазря.
При наличии причины
Переходят в токаря.

1970

Уроки Вертинского

Мадам, уже падают листья...

А. Вертинский

Табачный запах. Блеянье кларнета.
Солист поет заморские слова.
Коньяк на время делает поэтом.
А, навсегда, не тянет голова.

Мадам, прошу, подвиньте ваши локти.
Позвольте мне присесть на край стола.
И волосы взлохматить, и уроки
Забывать и пить, и плакать, до света.

Который час в сияньи перебои.
Ваш юный друг устал. Он хочет спать.
Мадам, не надо ворошить былое.
Мадам, не надо ежика ласкать.

Давай, еще шампанское откроем,
Пора вернуться, наконец, назад.
Я просто дворник, но своей метлою
Горжусь, как черной тряпкою, пират.

Друзья приостановят улыбаться,
И слезы грустной зависти утрут.
Когда потом, когда столетним старцем,
Я возле урны в пять утра умру.

1970

Уроки Есенина

Быстрая любовь. Потом не больно.
А потом ноздрей по куполам.
Не везло Есенину с любовью.
Даже звери любят пополам.

2020

Уроки Маяковского

Поэт. Не понимая.
С непривычки.
В века втыкает.
Брика вместе с Бричкой.

2020

Уроки Пушкина

Не враги и не друзья,
Одобряемые сбродом
Расползлись кругом князя
Как репы по огородам.

У князей один изъян.
Головы растут, жирея.
И легко найдёт Руслан,
Где в земле зарыта шея.

2020

Уроки Сосны

А вот у Сосны плевок.
Дыра посреди парашюта.
А под парашютом волк.
Ворчливый швейцар института

Висит величаво в ремнях,
Вращаясь вверху, как вредитель.
Но пропуска нет у меня.
Студент я, а не небожитель.

2020

Устюжанино 66

А деревня в сто дворов
В сто самумов пыль.
У медлительных коров
Вместо шкур ковыль.

У коров глаза грустнее
Обычного.
Ждут чего-нибудь они
Непривычного.

Не прожить без аппарата
Доильного
Если хочешь молока
Молодильного.

Ты царица деревень,
Устюжанино.
У тебя и свет, и тень
Пережарены.

Ты росла на молоке
С помидорами.
Мы приехали,
Студенты из города.

К перекрытиям дворов,
К их политике,
Электрических миров
Представители.

Нам сказали: «Здесь ниче,
Здесь прекрасно все!»
Мастер технику прочел
Безопасности.

А для тактики труда –
Саньку практика,
И запели провода
По галактикам.

Санька, как индейский вождь,
Горбонос и мудр.
Санька вовсе не «даешь!»,
Санька – «сам возьму».

Он зарплату получал,
Как премьер-министр.
Санька пил и получа –
лась зарплата вдрызг.

Мы смотрели на него
С уважением,
Мы учились у него
Монтажению.

И стояли все столбы
Ватерпасами,
И поили нас бобылюшки
Квасами.

Маша к Санькиной груди
Прижимается,
Маша в город навсегда
Собирается.

А чего тебе рыдать,
Маша малая?
Если с каждым из ребят
Переспала ты.

За такой то, за почин
Героический
Самой первой подключим
Электричество.

Будешь ты сиять в окне
Магдалиною
И придут к тебе ребята
С повинною.

Санька-практик на тебе
Срочно женится,
И деревня в одночасье
Изменится:

Как на праздник
На работу является.
И никто уже
Не опохмеляется.

Прут озимые, заказы
Затражали.
Алкотестеры стоят
В каждом тракторе.

Урожайность поднялась,
Дело спорится—
Перекуры все теперь
За околицей.

И запели петухи
Деревенские,
В Устюжанине пора
Благоденствия.

Эпилог

Смотрю на часы,
Секунды впитываю.
Сердце – баржа,
Валунами набитая.

Магдалина рядом,
Глаза по тонне.
Смотрит на мир,
Говорит: «Он тонет».

1966-2018

Часы разбить

Они лежали, улыбаясь,
Четырнадцать часов подряд.
Потом лежали, задыхаясь,
Четырнадцать часов подряд.
Как хочется теперь проснуться,
Часы разбить и улыбнуться.

2020

Электроплитка

Майский ветер хлопает калиткой.
Снится арифметика друзьям.
Черная спираль электроплитки.
Вспыхнула, и это сделал я!
Пьёт из блюдца бледный чай соседка.
Дров не нужно. Печка не нужна
Синяя кастрюля. Табуретка.
Мама варит кашу из пшена.
Я на кухне. Все давно уснули.
Не кипит вода. Она поёт!
Между табуреткой и кастрюлей
Греет дно умение мое.

1955

*Юре Маркелову.
Другу и Композитору.
В день свадьбы.*

Мы ждали, ждали, и дождались.
Стряслось таинство, наконец!
Увел сегодня Юра Валю
Под моссоветовский Венец.

За окнами февраль лютует,
Последний снег на площадях.
Невест не так, как жен целуют,
И носят на руках не так.

Но верю в уникальный случай,
В гармонию совместных дней.
В искусство, музыку, и кучу
Вполне талантливых детей!

1977

*Светлая память.
2020*

Я проснулся

Я проснулся от остервененья,
Спичкой разогнал ночную мглу,
Обнаружил – Пушкин и Есенин,
Пьяные. В обнимку. На полу.

Веткой по стеклу колотит тополь...
Я опешил, я с трудом унес
Ноги. На площадке грязный Гоголь –
Спутанные волосы и нос.

Я в Москву. Ну вот он, Храм-спаситель,
Виден Кремль из каждого окна.
Пастернака тащит в вырезатель
Широкоголовый старшина.

Где страна? В конце или в начале?
Может быть, и нет уже страны...
Убивать поэтов перестали –
Нет их. Да и просто не нужны.

Маркс ли, Ельцин, Сталин или Троцкий
Им, властолюбленным, наплевать,
Все ли дострадать успел Высоцкий,
Окуджава допереживать.

Будет что потом или не будет?
Я не понимаю, что потом.
По Петровке торопились люди.
Каждый не считал себя скотом.

1997

* * *

Миллиарды лет... Я просто кальций...
Будет сон. И будет сниться в нем
Теплота от каждого из пальцев,
На спине, под кожаным ремнём.

2020

2. Месни

* * *

Когда у Вечного Огня
Стоят навытяжку солдаты
Перед глазами у меня
Сырые стены медсанбата.

Я помню тяжесть тишины
И душный запах чернозема
И вечность до конца войны
И миллионы верст до дома.

Я возле вечного Огня
Ни рук, ни сердца не согрею.
Поймите правильно меня –
Я злее стану и мудрее.

Поймите правильно меня –
Творить судьбу должны мы сами.
И возле Вечного Огня
Холодной делается память.

1975

Песня про Победу

Снова майская зелень, как прежде чиста,
Только молодость наша ушла навсегда.
Потемнела эмаль боевых орденов,
Но война не уходит из утренних снов.

В день победы начальники в нас влюбле-
ны,
Приглашают к столам ветеранов войны.
Только вскоре останется кто-то один
«С днем победы, Григорий» – «Салют,
Константин».

Имена, имена, имена, имена..
Как со скатерти крошки смахнула война.
А заводы стоят, а закат опален.
С юга новых летят вереницы имен.

Не ответит салют юбилейной весны,
Что же там за болезнь в самом сердце
страны.
Только годы ответят, а годы летят.
«С днем победы, ефрейтор» – «С победой,
комбат».

Снова майская зелень, как прежде чиста,
Только молодость наша ушла навсегда.
Потемнела эмаль боевых орденов,
Но война не уходит из утренних снов.

1995

Песня про Серегу

Нас черные пули хлестали,
Нас огненным выжгло дождем.
Мы в прошлом остались, не зная,
Что к вам непременно придем.

Вернуться досталось немногим,
Пусть сердце у них не болит –
Ведь это не вяз у дороги
Ведь это Серега стоит.

Пригладь, дорогая, седины,
Отбрось бесконечную грусть,
Ведь это не ветка рябины,
А я каждый вечер стучусь.

Окошко открой, дорогая,
Позволь прикоснуться к виску.
Как раньше, когда-то, губами.
Теперь лишь цветами могу...

... Поверьте, пожалуйста, в это
Услышите сквозь праздничный гул,
Как гордое слово «Победа»
Трава шелестит на лугу.

1976

Первый эшелон

Свежо блестит плакат фанерный,
Нарядны платья юных жен,
Когда на фронт уходит первый,
Уходит первый эшелон.

Поет гармошка над перроном
И светит солнце на перрон
Предвестник первых похоронок,
Уходит первый эшелон.

Незабываемое лето,
Одна судьба, один закон.
Со всех концов страны советов
Уходит первый эшелон.

Звенит команда «По вагонам!»
Пустеет медленно перрон.
Отец победных эшелонов
Уходит первый эшелон.

И все взрослее и взрослее
Бегут по шпалам пацаны,
Еще не зная, что успеют
В очередной вагон войны.

1975

Колыбельная

Сели иностранцы на Луне.
Вот и не кончаются дожди.
Ты ходи по правой стороне,
Ты ко мне внимательно иди.

Обойди болото во дворе,
На столбе бумажку прочитай,
Выслушай признания дверей,
Лестницу шагами приласкай.

Я тебя в светлицу проведу,
Предложу хороших сигарет,
Комнатные тапочки найду,
Телевизор выключу и свет.

Ничего, что самолетный гул
Добрый мой, послушный человек.
Хочешь электричество зажгу,
Наварю ухи из рыбы хек.

Если хочешь, свечи запалю.
Занавески сдвину на окно
И в электромельнице смелю
Черное кофейное зерно.

Старый коммунальный домовый
Сонно под диваном проворчит,
Скрипнет потолок над головой,
Снова кто-то первым замолчит...

А потом, переча тишине
Нас разбудит в отблесках зари
И тебе приснившийся и мне,
Троекратный петушиный крик.

Песня о затерянном замке

Теперь, ты понимаешь,
В пустующих хоромах
Разгуливают мыши
В серебряных чулках.
За окнами из пыли.
Грузовики без крова,
Сердитые шоферы
И тряпки на цветах.

На улицах морозы,
Как грецкие орехи,
И женщины, сутулясь,
Спешат домой – обед.
А мы с тобой с дороги,
Нам выпало приехать,
Нам в первый раз приехать.
За девять тысяч лет.

Я этот замок знаю.
Я видел эти крыши.
Его седые крыши
Из нашего окна.
Я видел эти крыши,
Танцующие плиты.
В нем очень много комнат,
А дверь всего одна.

И ночью дверь открылась,
Но в замке было пусто.
Исчезли даже мыши
И темнота, и свет.
И мне, ты понимаешь,
Мне стало очень грустно.
Впервые стало грустно
За девять тысяч лет.

Песня о погоде

Северный ветер. Северный ветер.
Он между нами, как преграда.
Северный ветер. Северный ветер.
И укоризненные взгляды.

Ты улыбаешься прохожим.
Я говорю слова пустые.
И прошлое осталось в прошлом.
А мы друг друга не простили.

Сделать бы что-то. Сделать бы что-то.
Да только с сердцем нету сладу.
Это погода. Это погода.
Во всем, наверно, виновата.

Ты улыбаешься прохожим.
Я говорю слова пустые.
И прошлое осталось в прошлом.
А мы друг друга не простили.

1974

Грустные дожди

Мы с тобой не ждали
Счастья впереди.
Нас с тобой встречали
Грустные дожди.

И колдунья тишина
Шелестела вслед,
Что любви печальней
На планете больше нет.

Улыбаюсь горько,
Глядя из окна.
Между нами только
Тонкая струна.

И стоят, задумавшись,
По краям струны.
Два далеких дома
Под одним дождем ночным.

1972

Я сижу нахмуренный

Я сижу нахмуренный.
Кофе пью с печеньями.
На моем будильнике
Где-то возле двух.
А в далеком городе,
В виде исключения,
Женится последний мой
Неженатый друг.

Мне все время кажется –
Жизнь напрасно начата,
Смерть или рождение –
Бледное пятно.
Но по старой памяти
Сбросимся-ка мальчики
По рублю, по рваному,
Чтобы на вино.

1972

Песня про знакомые аккорды

Отраженья пропали в стакане,
На столе неизбежная жуть.
Ты сыграй на своем фортепьяне
Удивительное что-нибудь.

Узаконь на теперь и вовеки,
Утверди неумелой рукой
В незнакомом тебе человеке
Затяжное понятие – мой.

Ах, зачем отменили вы бога –
Он бы мой скорректировал путь.
Я тебя провожал до порога,
А теперь провожаю вовнутрь.

И под звуки знакомых аккордов
На усталом минорном ладу
Я свою, надоевшую морду,
Элегантно в ладони кладу.

1970

Песня про корабли

Уложи меня спать к кораблям.
Потуши в изголовье свечу.
Стихнет мир электрических ламп,
Серый мир электрических чувств.

Я тебе подарю сарафан,
Я корону тебе подарю.
И тринадцать морских черепах
Переправят тебя к кораблю.

А над ним каждый парус, снега.
А над ним синевы волшебство
И исчезнут вокруг берега.
Горизонт, а за ним ничего!

Уложи меня спать к кораблям
У которых седые виски.
А в висках якоря, якоря.
В ожиданье смятенья стихий.

Уложи меня спать к кораблям...

1966

Песня о нежности

Меняют годы в нас не внешность,
А лишь способность любить.
Настало время пить за нежность,
А значит понемногу пить.

Тогда какого черта лето
С дождями, слякотью, тоской
Мне принесло тебя и это
Соединило нас с тобой.

Без сожаления, с размаху,
В любви спасения ища,
Две головы легли на плаху
И жаден взгляд у палача.

Интеллигентные соседи
Сравнив историю с кино
При телевизионном свете
За нежность пригубят вино.

1972

Песня про миллионы минут

Миллионы минут растворились во мгле,
Миллионы минут – это мало.
Все подводят итоги — когда юбилей
Ну а мы будем пить за начало!

За начало любви, за начало весны,
За начало июльского бала.
Кто сказал, что у жизни часы сочтены?
Нет у жизни конца – есть начало!

Наливайте в бокалы до края вино,
Подставляйте для водки стаканы
Если есть в мире счастье, то только одно
И его называют Татьяна!

2010

Песня про канделябр

По реке плывет корабль
Борется со льдинами.
В нем везу я канделябр
Своему любимому.

На четвертом этаже
Я, святая женщина,
Канделябром размозжу
Голову изменщика.

Встал корабль на якоря.
А судья советует:
Если взял ты канделябр,
Думай, что последует.

2018

Песня про Сухой Лог.

На краю Сухого Лога,
В сентябре под звездопадом.
Мы стояли и молчали,
И смотрели в вышину.
Ну, а там, теряя зелень,
Звезды падали на землю.
А одна звезда шальная
Опускалась дольше всех.
Опускалась. Опустилась.
Оказалось, просто снег.

На краю Сухого Лога
Поднялись теперь кварталы.
В электрических зарницах
Вспыхнет редкая звезда.
А кондуктор нашим Логом
Называет остановку.
Только все на остановке
Не мое и не твое.
Потому что. Потому что.
Мы проехали ее.

1972

Паровозная страна.

Полустанок мой далекий,
Ты опять приснился мне.
С ожиданием дороги.
С паровозом в тишине.
Призывала непрерывно
Паровозная труба.
Началась на полустанке
Беспокойная судьба.

Поросли травой откосы,
Над травой туман всплакнул.
Укатились паровозы
В паровозную страну.
Только кажется, что где-то
Без конца звучит труба.
И несет по белу свету
Непреклонная судьба.

1974

Песня про синий шар

*А шарик вернулся, а он голубой
Б. Окуджава*

*Крутится, вертится шар голубой
Народная песня*

По черным коридорам
Катают синий шар.
Я, молча, пробираюсь
Сквозь дебри камыша.

Я вымок, стонут плечи
И рядом ни души.
Лишь только ветер вечно
Колышет камыши.

Когда я только вышел
Из закрытых дверей,
От шара я услышал
О вечности моей.

«Несказанная гордость,
Неоценимый дар»
Так в черных коридорах
Сказал мне синий шар.

Сказал и укатили
Оставили меня.
А после песни плыли
И ночь была в огнях.

По черным коридорам
Я бегал, чуть дыша.

Я им кричал, с укором:
«Куда вы дели шар?»

Но хохотали ночью
И хохотали днем,
И всё катали бочку
С каким-то там вином

И я ушел, растаял
В безумстве камыша.
А где-то всё катают.
Катают синий шар

1966

Романс про медведя

А медведь много лет грустный,
У него на душе тускло.
Не хватает ему друга,
Как же друга отыскать?

И медведь подошёл к Вере:
«Помоги», говорит, «зверю.
Я тебе», говорит, «лапу
Если трудно – протяну»

«Мне совсем не нужна лапа,
Вот пойду, позову папу,
Он такой у меня сильный,
Он прогонит Вас, медведь».

И медведь много лет грустный,
У него на душе пусто.
Не хватает ему друга.
Как же друга отыскать...

1965

Я вам купила девять литров пива.

Влажны обои. За стеной тоскливо,
Чуть слышно изнывает саксофон.
Я вам купила девять литров пива.
На абажур лила одеколон.

Я ваш любимый, желтый, в ананасах,
Затейливый одела сарафан.
И вот вы здесь. И вы едите мясо.
И саблю отстегнули на диван.

А я уткнусь в ладони подбородком,
Взгляну на вас сквозь бледную свечу.
И пол бокала полутеплой водки
В живую воду залпом превращу.

И буду я, как молодая леди...
И, вообще, прости меня, прости,
За то, что ты, который год не едешь,
И некому будильник завести...

1970

Возле темной стены

Возле темной стены, у веселой девчонки
Чуть блестели глаза от бокала вина.
Тихо песня плыла с полу стершейся пленки
И смотрела в окно вся в веснушках луна.

Этот вечер уйдет, снова новые люди,
Снова встречи с тобой на бумаге меж строк.
Только верю опять, тебя ночью разбудит,
Пропоеет обо мне телефонный звонок.

1965

3. Роза

Две картины.

1952 год.

В комнате родителей на стене, напротив печи висела картина. Сидящая в мягкой траве, очаровательная девочка с огромными добрыми глазами, с пушистыми ресницами, на которые хотелось подуть, кормила с руки голубей. Трава. Над ней все белое. Белая рубашонка, белое плечо, белые голуби. Небо было синим. В правом нижнем углу картины было написано Tifanni.

У дяди Геры Ведмана, который с женой тетей Тоней и двумя детьми, Борькой и Олькой, жил в соседней комнате, на стене, и тоже напротив печи висела картина с огромной, гладкой, рыжей собакой. Собака в зубах держала зайца. Живого. За живот. Я не любил смотреть на эту картину. Но смотрел. Теперь я предполагаю, что обе картины были трофейными. Дядя Гера, мой отец и моя мама были фронтовиками. В то время так называли участников войны.

Дядя Гера воевал танкистом, и день танкиста был праздником, на который приглашали моих родителей. Меня тоже усаживали за стол, и я пил из маленького граненого стакана сладкую газировку, которую тетя Тоня называла морс. О войне никогда не говорили. Говорили о грибах, о ягодах. О том, что скоро будет новоселье. Ведманы, так их называли мои родители, достраивали собственный дом, в котором обязательно будет корова, а если уж есть корова, то и парник для огур-

цов. В нашем северном городке огурцы не росли и снабженцы их не завозили – роскошь.

– Огурцы, это сила! – Сказал папа. – Море в Балаклаве по утрам всегда пахло огурцами.

Отец родился в Балаклаве. Оттуда и ушел на фронт. Приписал себе два года, рост позволял, и ушел.

– Нет – сказал дядя Гера. – Это огурцы пахнут морем!

Начался спор. Море пахнет огурцами или огурцы морем? Потом стали спорить о том, что главнее, море или огурцы.

Выпили по рюмке и решили, что главнее соленые грузди.

Еще дядя Гера любил говорить обо мне: «Славка, с его головой, обязательно станет главным инженером!» Что он знал о голове пятилетнего малыша?

А ведь угадал. Несмотря на гуманитарный склад ума и математическое образование я, нечаянно стал главным инженером, вначале по должности, а потом и по духу. Иногда я горжусь, что тысячи машин придуманных и изготовленных под моим руководством работают по всей стране. И в окрестностях тоже. Но об этом потом...

Пришел ещё один гость. Архипыч. Пацаны говорили, что он партизанил. Дядя Гера достал еще бутылку водки и ножом стал соскабливать сургуч с картонной пробки.

– Разве ж так партизаны бутылки открывают! – Архипыч раскрутил бутылку и ударом ладони вышиб пробку. Водка пузырилась.

– Чистый Шампань! – Архипыч разлил водку. Выпили за танкистов. И он начал про войну.

Лучше бы я не слушал.

Он рассказывал, как прикладом автомата проломил фрицу голову. «И каска не помогла!». Как из-под каски полезли мозги. Рассказывал, как дергаются повешенные и у них бегут сопля.

Я убежал в нашу комнату. Упал на кровать. Напротив, меня, на стене девочка кормила голубей.

Ведманы вскоре переехали в свой дом. Корову не завели. Но построили теплицу и держат поросят. Поздней осенью родители ходят к ним в гости. На сальтисон. Без меня. Куда делись картины я не знаю. Спросить уже не у кого...

Слово партизан долгое время вызывало у меня оторопь. Потом привык. Потом прочитал все про гениального разведчика-партизана Николая Кузнецова. Потом узнал, что его памятник осквернен. Ждать?

А огурцы и в самом деле пахнут морем. Но не Средиземным, и прочими эгейскими морями европейской цивилизации...

Крым. Черное море в рассветные минуты. Свежеумытое, прохладное солнце в сантиметре от линии горизонта, линия такая четкая, что кажется острой. В высоте синего неба ни одного самолета. Каменистый пляж безлюден. Каждый камушек индивидуальность, он живет своей, почти бесконечной жизнью, и не желает, чтобы какой-нибудь из его атомов через миллионы лет стал частью шевелящегося самовлюбленного существа.

Тени еще не родились. Они появятся за полчаса до жары.

Нет ничего прозрачнее алмаза, кроме прибрежной крымской воды.

Пахнет юными огурцами.

Из-за скалы скрипя и хлюпя, выплыла, воняющая мочой и потом боевая галера.

На галере оглушительно галдела команда.

2018

Кирпичный завод с приведениями

Карпинск. 1965 год.

К любой работе можно привыкнуть. Привыкнуть к тому, что любая работа навсегда, может только фаталист.

На каникулах после окончания первого курса, я устроился на кирпичный завод, построенный в моем родном уральском городке пленными немцами, эту информацию я получил при оформлении своего устройства. Заводу было всего двадцать лет. Вполне европейский заводик. Он стоял на окраине города, сразу за ним начинался, радующий взгляд сочной зеленью, сосновый лес.

Устроился я на месяц. Надо было помочь родителям деньгами. Зарабатывали они немного, но каждый месяц присылали мне 20 рублей, это примерно половина, получаемой мной стипендии. В сумме получался капитал, которого хватало на оплату общежития, трехразовую кормёжку в студенческой столовке, два посещения кино. И на одну бутылку вина «Анапа» стоимостью рубль семнадцать.

– Отрабатывать надо, – решил я.

Должность моя называлась «выгрузчик сушил». Заводские аборигены использовали название, оставшееся от немцев – келлеровщик.

Keller по-немецки подвал, погреб. Поработав смену, я понял глубину немецкой мысли. Скользящий график включал в себя ночные смены, которых я боялся более всего. Оказалось, что ночная прохлада, для тяжёлой работы была комфортней дневной жары.

Суть работы, загрузка сырого и выгрузка подсушенного кирпича из нескольких десятков камер, внутри и вдоль которых, проложены рельсы для вагонетки.

Размеры камеры для сушки кирпича метров десять в глубину, три в высоту и полтора в ширину. По всей длине камеры, на боковых стенках, из кирпича выложены направляющие полки. На каждую полку, а их по высоте не меньше

двадцати, укладывается доска, на которой штук двадцать сырых кирпичей. И, таких двадцатиполочных наборов, в одну камеру нужно засунуть тридцать. А камер пятьдесят.

Когда кирпичи уложены, их сушат при помощи тепла. После сушки, из, еще не остывшей, камеры, эти сотни полок с кирпичами надо переместить на обжиг.

Процессы загрузки и выгрузки делаются при помощи многорусной вагонетки.

Когда этот бронтозавр, напоминающий, огромную этажерку на колесах, закатываешь в камеру или выкатываешь из нее, каждая из двадцати досок с кирпичами, должна на десяти метровой длине, ни за что не зацепиться.

Думаю, когда-то, на свежестроенном заводе, так оно и было. Но прошло двадцать лет. Полки цеплялась. Этажерка заваливалась. Кирпичи падали на голову. Касок тогда ещё не придумали, я просто обматывал голову косынкой, на пиратский манер. Необожженные кирпичи об голову ломались не больно. Все это в пыли и духоте двенадцать часов подряд. Изредка, глоток воды из чайника. Один раз в час перекур.

Тогда я ещё не курил. Я просто выходил на улицу и вдыхал сосновый воздух.

Ночью он становился густым, как родниковая вода.

Первые несколько смен были адскими. Все кругом застрелало, падало, вагонетка сходила с рельс. Возвращая этого бронтозавра обратно, я делал множество бессмысленных движений, матерился, вспоминал Сизифа, торопился, спешка приводила к новым ошибкам. А ведь от меня еще и зависела зарплата бригады женщин. Они или загружали моего бронтозавра сырым кирпичом, или разгружали высушенные кирпичи и укладывали в печь обжига.

Женщины меня успокаивали.

– А ты, студент, не торопись! Ты вон, какой здоровый! Ты ещё Шурку обскачешь. – И они быстро и ловко укладывали обратно доски и уцелевшие кирпичи.

Обскакивать мне предстояло сменщика Александра, Шуру или Шурика. Небольшого роста. Если древнегреческого атлета долго высушивать, получится Шурик. Мышцы, жилы и кости. Он на заводе с открытия. Фаталист.

В конце первой недели я перевыполнил норму. На следующий день ещё круче перевыполнил.

В полночь при передаче смены, ко мне подошёл Шура. В чистой белой майке. Женщины работали в застиранных кофточках. А он всегда начинал смену в белейшей майке, которая становилась серо-рыжей через несколько минут.

– Ты, студент, кончай выпрыгивать! Долговязый, как стахановец, а мозгов нет! Ты что не знаешь, что нормировщица, кроме обрезания, больше ничего делать не умеет!

Я знал, что обрезание как-то связано с евреями. Но из речей Александра я понял, что размер зарплаты ограничен, кем-то придуманной величиной. И если я перевыполнил норму, это называется повышением производительности труда и норма урезается или обрезается.

Это, видимо, кому то приносит удовольствие, потому что зарплата остаётся прежней. Он также мне объяснил, что одноразовую повышенную зарплату мне придётся потратить на лекарства. Капиталистические привидения в немецких красках, а они тут появляются, тоже активно борются с ростом производительности труда. И вполне могут уронить на меня несколько кирпичей. Обожженных.

(В следующем рассказе с названием «Привидения и микрохирургия глаза» я расскажу, откуда возникли приведения и как повышается производительность труда в капиталистическом обществе.)

– А вот пугать меня не надо, ты бы еще вампиров с бабами-ягами нанял. – Я посмотрел на Шурика снисходительно. Да еще и сверху.

– Все проблемы у человечества от жадности. Жадность голову или совсем отключает, тогда получают работяги типа

тебя, студент, или включает на всю катушку, тогда появляются богатеи, или, как у нас, директора, да председатели.

Такого разворота я не ожидал. Дальше я был вообще обезкуражен. Он вывел меня на улицу и попросил выбрать два одинаковых камня, не шибко больших, (а то грохота много будет). По его просьбе, один из камней, с максимально возможной силой, я запустил в забор. Камень ударился об забор и отскочил.

Броска собеседника я не заметил. Послышался громкий хлопок, и в заборе произвелась дыра, размером в верхнюю часть доски, которая улетела, а оставшийся нижний обломок был расщеплен.

Удивиться я не успел. Монолог Александра был удивительнее произошедшего.

– Как видишь, вампирская помощь мне не нужна. А теперь давай считать. Тебе, чтобы сделать твой бросок, нужно съесть десять грамм мяса, А на мой бросок, наверное, килограмм. Согласен? Говоря по-простому, перевыполнив норму, ты съел и больше мяса. Тебе за это заплатят, но один раз. А норма изменится навсегда. И после нескольких таких передовиков, придется перейти с мяса на картошку. Еще говорят, ведро горячей воды заменяет пятьдесят грамм мяса. На пересмотр норм дается задание, называется рост производительности труда. Так что переход на горячую воду не за горами. Можно, конечно, сделать завод автомат. Чего хитрого, кирпичи лепить. Тыщи лет уже лепят. А куда мне тогда деваться, и еще сотне работников. И это только на нашей улице. А таких улиц в мире? Большие головы на эту тему думали, а так как придумать ничего не смогли, то и думать перестали. И на этот раз окончательно! А все от жадности. Поймешь когда-нибудь.

Мы вернулись в цех, и Шурик дал мне несколько советов. Привидения, говорит, научили. Если их выполнять, вагонетка бежит мягко, как смазанная. Доски за стены не цепляются. Кирпичи на голову не падают.

Главное, приходите на работу в чистом. Перед началом смены делать не менее трёх приседаний на правой ноге, pistolетиком. В конце смены, на левой. И не перевыполнять норму больше, чем на четыре процента

– Ну, пока – сказал Шурик и ушел в сумерки цеха. Вскоре мне была видна только белая майка.

Советы помогли. Я уставать перестал. Даже подремывал на ходу. Тут он и появился.

Приведение. Невзрачный мужичок в каске с рогами. Рваная серая майка. Синие трусы, ниже колен. Огромные кирзовые сапоги. В каждой руке по кирпичу. Неторопливо проходит мимо.

– Guten morgen, – сказал я на ломаном немецком. Было раннее утро. Ровно четыре часа.

– Доброе утро. Я румын, – Сказал он по-русски, с уральским акцентом. – Ну, я пошел...

На заработанные деньги, мама купила мне зимнее пальто, серое с черным пыжиковым воротником, и два килограмма мяса. Она знала, что я люблю котлеты. Потом я бывал в ресторанах различных стран. Пробовал сотни изысканных блюд. Но вкуснее маминых котлет, видимо, уже ничего не встречу. Мамы уже нет.

Мы обедали. Мама рассказывала, что недавно видела мою первую учительницу. А я вспомнил, как учительница водила наш класс на этот самый кирпичный завод. На экскурсию. И, черт возьми, я понял, зачем она это делала...

Август 2019

Про бабочек

У Семёныча самая большая в мире
Коллекция фиолетовых бабочек.
Знают правда об этом не все.
А те, кто знает, не уверены,
что у Семеныча она самая большая.
Надоели Семёнычу бабочки.
Он их взял и спрятал.
А куда спрятал, не помнит. Забыл напрочь.
Забыл даже записал ли, куда спрятал.
А даже если записал, то не помнит куда.
Теперь ведь никто не подскажет .
Вот такой у нас народ!
Но , зато все кругом, теперь только и говорят,
что была у Семеныча самая большая в мире
Коллекция фиолетовых бабочек.

2021

Красная шапочка и неграмотный волк.

Идёт Красная шапочка по лесу.
Тишина.
Идёт стихи читает
Про себя.
Про себя это значит не просто
Про себя.
Если стихи читаешь ,
А никто не слышит ,
Значит читаешь про себя.
Задумалась Красная Шапочка.
Зачем читать не про себя,
Если все равно
Никто не услышит?
А тут навстречу волк.
С книжкой.
Языком страницы перелистывает.
– Волк. Ты не про себя читай.
Читай вслух. Нет же никого!
– А я вслух читать не умею.
Я и букв не знаю.
– Это же очень просто. Учись!
А – арбуз. Бэ – барабан. Вэ – волк.
– И на самом деле просто.
Вот уж не думал!
И съел Красную Шапочку
Волчатам теперь вслух читает
Про себя.

2021

Кремлёвские звезды над нами горят.

Начало восьмидесятых двадцатого века.

Секретарша ворвалась в мой кабинет. Глаза по блюдцу.

– Станислав Иванович, срочно к директору. Лариска аж визжит!

Лариска, это секретарь Генерального директора Объединения, а уж коли она визжит, значит, жди беды. Народ, он не зря говорит, что беда одна не ходит. Это только радость всегда одна, да еще на всех.

Все началось с визита дворничихи. В шесть утра.

– Я, говорит, номер запомнила. Короче, разве его забудешь. Два восемьдесят семь, это ж надо, сколько водка стоила! Не ценили мы запрошлую жизнь.

– На хрена мне в такую рань номер?

– Короче, разве его забудешь. Таких цен сейчас нет!

Я стал закрывать перед дворничихой дверь

– Короче, это разве не ваша машина под окнами стоит?

– Моя.

– Грузовик в неё въехал и смылся. Грохоту, короче, было! А номер я в жизнь не забуду!

Пришлось выйти на улицу. У моей новенькой «Копейки» было хорошо помято заднее крыло. Хорошо, это кому хорошо? Нет в мире языка, поэтичнее русского.

Но беды только начинались. В отделении ГАИ, куда я заехал по пути на работу, белобрысый капитан сказал, снисходительно улыбаясь:

– А почему ты буквы то у номера не записал? Без букв мы не ищем. Мы не сыщики какие-нибудь. Не приставлены! Напокупали машин!

Тирана предполагалась долгая, но я опаздывал на работу и поэтому сообщил капитану, что грузовик он найдёт, и ещё подгонит его к моему подъезду. Обескураженный моей наглостью, капитан начал хлопать ящиками стола. Угрожающе.

– Пистолет не ищи. Ты ж стрелять не умеешь! – Пошутил я и быстро уехал.

Было ошибкой ставить машину вплотную к стене заводоуправления, ведь беды ещё не кончились.

Через проходную я прошёл на 5 минут позже допустимого.

– Начальник СКБ, депутат, член парткома, и опаздывает на работу! Это мне предстоит услышать на ближайшем совещании.

Из своего кабинета я позвонил ближайшему другу. После института, который мы вместе закончили, он ещё успешно отучился в высшей партийной школе, в простонародье – ВПШ, и теперь работал во властных структурах. Работу он совмещал с систематическими переездами на новые квартиры, пока не поселился в специально построенный для таких выпускников огромный дом. В центре города.

Когда мы разобрали недостойное поведение капитана из ГАИ, и перешли к обычному дружескому трепу, ворвалась секретарша.

Генеральный директор выглядел несколько необычно. Притух всегда уверенный, снисходительный взгляд.

– Читай, – он протянул мне телеграмму. – В Кремль зовут не плюшки жрать! Лариса, приготовь чаю.

К чаю у директора отношение благолепное. Он пьет его только из стакана в подстаканнике. Как в поезде. Наверное, вожди так пили. В стакане непременно присутствовала чайная ложка для придерживания указательным пальцем. Если этого не делать, она при попытке поднести стакан ко рту, как раз попадает в правый глаз. Черенком. Я как-то предложил Лариске приносить чай без ложечки. Она глянула на меня, уничижительно, как кинозвезда на ассистента режиссера.

Однако к чаю Генеральный не притронулся. Он с нетерпением смотрел за тем, как я читаю телеграмму.

Сверху, в телеграмме было написано, «Правительственная». Ниже, «Совершенно секретно». Генеральный директор, я, и ведущий инженер Сидоров, должны быть завтра в 10.00 в бюро пропусков, слева от Спасской башни Кремля. Для участия в совещании.

(Кстати, технические детали этой истории будут изложены условным языком. Вдруг, не дай бог, кто-нибудь, что-нибудь поймёт, и, черт его знает, что из этого выйдет.)

– Мне уже начальник главка из Москвы звонил, вполголоса, сказал Генеральный, – Столько матов я никогда не слышал! Полетишь ты и Сидоров. У меня обострение язвы. Ты же это знаешь. А Сидоров, он как? И что это вы натворили?

Про язву я, конечно, знал все. Генеральный, красавец, украшение города, восемьдесят килограммов здоровья!

Я рассказал, что ведущий инженер Сидоров хороший химик. Великолепно настаивает калину на спирту. Или спирт на калине. В прошлом году мы, по делам СКБ, были с ним в Белоголовке. И там, на ученом совете, наслышанный о свойствах калиновой настойки на спирту, с Сидоровым, а заодно и со мной, решил познакомиться член-корреспондент. Настоящий. С коттеджем от академии наук. В этом коттедже встреча и состоялась. По заваленной грязной посудой, огромной кухне, сновала красавица в бигудях и в ослепительном, выставочном халате.

– Вика, ты не возражаешь, мы с сибиряками посидим на веранде?

Вика не возражала.

Поздняя осень. На веранде холодно. Водка без ограничений. Но с закуской напряжёнка. Членкор не умолкал: «Тут я, как то, лет шесть назад, предсказал создание устройства с почти неограниченным ресурсом. Меня избрали в академию. К проблеме подключили несколько институтов, финансирование почти без ограничений. Предлагаю и вам попробовать. Очень уж заманчиво. Главное, исходные компоненты копеечные».

Сидоров нежно посмотрел на меня, и я согласился.

Пару месяцев ушло на приобретение компонентов. Около месяца на опыты.

– Главное в эксперименте – скрипулезность! – Приговаривал Сидоров.

Устройство получилось существенно превышающим ожидаемые характеристики по ресурсу.

– У него ресурс Северного Ледовитого океана, – ликовал Сидоров. Однако ресурс исчезал через полсекунды после возникновения. Устройство само его сжирало.

– Фигня, – сказал Сидоров.

Отчёт и образцы были отправлены в Веселовский военный институт. И мы обо всем забыли. В курилке учёные СКБ опять обсуждали достоинства новой версии калиновой настойки.

(Кстати. Когда я сочинял этот мемуар, компьютер не хотел печатать характеристики устройства. Он печатал ку-ку, пока я не придумал фишку про Ледовитый океан. То-то!).

– Ну-ну, – сказал Генеральный, – Вылетайте завтра первым рейсом. В восемь ноль, ноль вы должны быть в кабинете начальника главка!

Однако беды продолжались. Возле моей машины торопились охранники и рассматривали дыру в крыше. Правда, небольшую. Размером в пачку сигарет. С фильтром. С крыши заводоуправления упал кусок шифера и пробил крышу моей машины. А мог бы пробить чью ни будь башку. С пятого этажа упал!

– Ну что, мужики, кому я жизнь спас? Рекомендую деньги, сэкономленные на похоронах, собрать и направить на ремонт машины. Послезавтра я возвращаюсь из командировки. Время пошло!

Рассвирепевший начальник главка громко говорил, не умолкая, минут десять. В этом наборе общеизвестных слов, мы уловили главное.

– В Кремле молчать! Там плюшками не раскидываются!

Шли пешком. От Главка до Кремля минут десять ходу. Начальник шёл за нами. Конвоировал.

С левой стороны Спасской башни и на самом деле была дверь в бюро пропусков. Пока оформляли пропуска, я размышлял, есть ли в Спасской башне туалет. Снаружи ведь не подумаешь.

Шагал я по историческим коридорам, грудь распирало от гордости. Знал же, что Брежнев и Громыко мимо не пройдут, а если и пройдут, в их жизни ничего не изменится, и в моей тоже. Но коллективу бы рассказал:

– А я Брежнева живьём видел, ну вот как вас. Идёт, остановился, пальцем в ухе пощекотал, в своем. И дальше пошел. А сам все про плюшки думает. Для народа. И для человечества.

Но встречи не состоялось.

Совещание происходило в небольшой комнате. На беспорядочно расставленных стульях сидели генералы, их было не меньше двадцати. Вокруг одного из них, с удивительно умным лицом, были свободные стулья. Мы на них и сели. Генерал попросил стул рядом с ним не занимать. Вежливо попросил, и я подвинулся. Начальник Главка постарался сесть от этого генерала подальше. Пустые места объяснялись просто. У генерала было четыре звезды на погонах, он был без кителя и галстука. Заместитель Министра обороны вызывал у присутствующих естественное уважение.

Все сидели молча. Сидят 20 генералов и молчат. И мы, трое штатских, тоже.

В кабинет вошёл и поздоровался мужчина в чёрном костюме, знакомый по официальным фотографиям в центральных газетах. Один из партийных руководителей, Бардаков.

– Анатолий Петрович задерживается. – сказал Бардаков.

Вскоре появился известный всему миру учёный. Президент академии наук. Его авторитет даже у Сидорова не вызывал никаких сомнений. Огромная, лысая, яйцеобразная голова, полыхала знаниями.

Он был в тапках и в синем прорезиненном плаще. Я такой носил на первом курсе. Папин донашивал. У гениев свои причуды. Правда, под плащом оказался темно-синий безупречный костюм, ослепительно белая сорочка, и завершал ансамбль умопомрачительный галстук. Свободный стул был только рядом со мной. В него академик и сел. Так мы и сидели плечом к плечу. Мировая величина шевелилась. Я поначалу холодел от прикосновения к вечности и между своими коленками зазора не оставил. Вдруг на ногу ботинком наступлю. Он же в тапках! Потом привык.

Первый докладчик, сверкая генеральскими звёздами, развесил десяток плакатов. Но пользовался только эскизами и таблицами Сидорова. Говорил он о многолетней работе десятков коллективов над Устройством.

– Ресурс Устройства почти безграничен. Возможности использования фантастические. Генерал сыпал цифрами и терминами. Понизив громкость голоса, перечислял основные компоненты. С гордостью сообщил, что они все отечественные и дешёвые!

– Время жизни? – сказал всего два слова Академик.

– Пока не более четверти секунды, но мы, Анатолий Петрович, работаем.

Зам. Министра обороны хрюкнул. Я бы тоже хрюкнул, но мне запретили.

– Ну и генерал. Четверть секунды оставил себе заначки. Над этой четвертью, не хер делать, можно организовать многолетнюю работу ещё десятка коллективов.

В полной тишине хрюкнул и Президент Академии наук СССР.

– Анатолий Петрович, не торопитесь. Давайте дадим слово содокладчику, – сказал Бардаков.

Звезды на погонах содокладчика поскромнели. Но он достаточно бодро раскрыл предполагаемые варианты использования Устройства. Перечень был огромен. В нем даже были

самоподогреваемые и самонаматываемые портянки с самонастраиваемым

картриджем ароматизации. Термины содокладчик произносил, не запинаясь. В военных академиях учить умеют.

– Фигня! – сказал зам. Министра обороны, – С таким временем жизни, это не мажется! Портянки со сроком службы пол секунды?

Сидоров заржал. Но быстро умолк. Как-никак в Кремле.

Академик то же самое, что и зам. Министра, произнес, используя научные термины.

– Анатолий Петрович, но ведь какие перспективы! Можно же и в изделии Б попробовать. Ведь тогда все утрутся. – завершил совещание Бардаков. И Леонид Ильич будет доволен!

– Я подключу ещё пару институтов. – сказал Академик, надевая свой дачный плащ...

На лестничной площадке, перед дверями моей квартиры, сидел на табуретке атлетически сложенный молодой красавец. Шесть утра. Спать хочется. За одни сутки пережить совещание, два перелёта и кучу неприятностей.

– Станислав Иванович. Мне в ментовке приказали сидеть и ждать вас, пока не вернётесь. Иначе в СИЗО сгноят. Это я вашу машину разбил. В Гаи сказали, что приедут через пять минут после вашего звонка. Они тоже всю ночь дежурили.

И все-таки правильно обучают в Высшей партийной школе. А кремлёвские звезды повсюду горят!

– Машину то починишь?

– К завтраму сделаем. И дырку в крыше тоже.

Ну и менты. А говорили не сыщики.

Наверное, и деньги с охранников собрали. На не состоявшиеся похороны.

В выходные мы с женой поехали в гости к другу. Пить водку. С плюшками.

Настойка Сидорова популярна только в ученой среде...

Петр Первый. Ждет.

Петр Алексеевич с Лейбницем изредка встречался. Говорили по-голландски. Лейбниц мог бы и по-русски, но с царями нужно говорить заковыристо. Поэтому Лейбниц легко переходя с древнегреческого на латынь, был уверен, что Петр Алексеевич ответит ему эквивалентно.

Петр Алексеевич беседовал неторопливо, слова, которые он произносил изредка, помогли Лейбницу навсегда войти в историю математики. И в математику. И в географию.

Почти три века прошло. Сидит Петр Алексеевич в Эрмитаже, головка маленькая. Глаза втыкательные выпучил. Двухметровый беспредельщик, с 36 размером обуви.

Медленно ходить нельзя, упадешь. Поэтому мчался, не останавливаясь. Иногда мне снится, как он бежит за мной по коридорам Эрмитажа. Бежит, зная, что не догонит, и опять будет сидеть в проходной комнате дворца чужеземной постройки.

Ждет бедолага. Чего ждет?

2018

Про зайца

Спит заяц в снегу на правом боку.
Всегда спал на левом.
А вот сегодня решил на правом.
Правые лапы в снег зарыл, а остальные сверху лежат.
Шёл мимо охотник. На лыжах.
– Что это за зверь с двумя левыми ногами?
Задумался охотник и дальше пошёл. На лыжах.
А утром заяц проснулся, как будто ничего и не было.
Бежит и думает: «Разве это жизнь!»

2021

Про собаку

(хроники околочоромысловского района)

У соседа Петровича круглосуточно лаяла, привязанная к штaketине, собака. Размером с бульдозер.

Сосед был размерами поменьше, и всегда спал. Просыпался он только, чтобы вынести собаке ведро с похлебкой.

Тогда собака переставала лаять, а лаяла она, как хреновина, вбивающая на соседней улице в землю многометровые железобетонные сваи, для фундамента будущего шестнадцатизэтажного дома, в который предполагалось переселить всю деревню, где жил Петрович с соседом, и еще двенадцать деревень Околочоромысловского района.

Урбанизация, она же дедеревенизация, была главным пунктом программы губернатора Коромысловской области.

Он принял решение не строить в области здания ниже шестнадцати этажей. И убедил столичных начальников, что это забота о будущих поколениях. Длина канализации уменьшается в разы, а толщина растет, но незначительно. Дороги укоротятся. А подземные гаражи можно продавать дороже квартир. Воздух на высоте попрозрачнее. Редкий комар на такую высоту посягнет!

Собака притихла, лаять и жрать она одновременно не умеет. Чавкала она не долго. Сосед торопил. Магазин скоро закроется!

Собака делала паузу, для облизывания. Минут пять было тихо, даже тараканы из щелей повылезали.

Потом от лая, а теперь он напоминал артподготовку перед форсированием Днепра, начинал подпрыгивать стол, и тараканы спрятались. Предположительно в погребке. Большой погреб. Глубокий.

В старые времена до грузовика картошки, Петрович в нем хранил. Весной продашь. Год можно жить. Теперь на лапшу все перешли.

Сидят, телевизор смотрят про то, кто кого, и как.

Вилку держат в левой руке, а нож в правой. А зачем лапшу резать ножом, Петрович не понимал. Знающие люди объяснили, что при помощи ножа лапшу нужно на вилку наматывать.

Можно было бы от лая в погребе спрятаться. Там тихо. И сохранишься на подольше. Свинина даже не портится, потому что холод, все микробы попередохли. А вот тараканам, хоть бы хны. Живут. Смирились. Но Петрович смириться не мог. Год жил, мирился. Достаточно!

На столе уже много лет стоит солонка. Шестигранная, красивая, нынче таких не делают. Соль в ней давно окаменела. Ничем не отмыть. Даже керосином. Жена Петровича, когда капусту квасит, на крышку эту солонку сверху кладёт, тогда капуста сочная получается и на зубах хрустит увлекательно.

Как-то заменили солонку двухпудовкой. Потяжелее, никак. Сок остался, а хруст упорхнул.

– Не буду я вилку левой рукой держать. Кому нравится, тот пусть и держит. Еще и шампанское пьют. Так и жизнь вся пройдет...– подумал Петрович, поднял солонку правой рукой, вышел во двор и швырнул всю её, шестигранную, вместе с солью каменной, в забор, к штакетине которого, была привязана собака. Штакетину солонка легко пробила. А потом попала в собачью голову, в профиль.

Завизжала собака, как трамвай на повороте и вместе с цепью и штакетинной убежала. Перевоспитываться. Поняла справедливость возмездия.

По борозде, которая от цепи осталась, сосед пошёл ее искать. Долго искал. Потом вспомнил, что магазин скоро закроется и предпочёл вернуться.

Сосед теперь не спит. Совсем. Причина утеряна. Никто ж не лает. Засеял весь приусадебный участок импортной травой. В районе такой не продают. Заказал по интернету. Теперь та-рахтит газонокосилкой. Газон выращивает. Во весь участок, а участок почти полсотни соток.

От шестнадцатизэтажек забором отгородился. Что там внутри никто не знает. Ночами иногда горят несколько окошек. Стекла пока целые.

Сороки балконы облюбовали, клеветают напропалую, – лучше один большой и тонкий, чем много толстых и маленьких. Это про шестнадцатизэтажный дом.

Покосит сосед траву, а потом ходит, любитесь. Так и ходит до следующей косьбы. Круглосуточно. В носках. Не в ботинках, не босиком, а в носках, и чтобы были красные, и без дырок.

Четырнадцатого числа каждого месяца, собака ведь убежала четырнадцатого, сосед на электричке ездит в город.

В сауну. По семьсот рублей в час. Но до закрытия магазина вернуться всегда успевают.

А у Петровича теперь тишина. Только слышно, как тараканы по полу топают. Иногда не топают. Но чаще топают. И ночью тоже.

2020

Скульптуры Родена

Шестидесятые. Ленинград. Ночное метро. Почти пустой вагон. Я возвращаюсь с балета «Скульптуры Родена».

В питерском метро, в отличие от московского, даже в часы пик, когда пассажиров впрессовывают в вагоны, воздух другой. Он свежее, и задумчивее. Москвичи спешат, потому что им надо спешить всегда. Потому, что воздух в Москве спешливый. Бегут москвичи и молчат. А питерцы даже молчат неторопливо.

Билет на недоступный спектакль мне подарила Гертруда Ивановна, заведующая отделением института, с которым мы вели совместные работы. Она, коренная Ленинградка, обожала Анну Герман, и была похожа на нее и внешностью и добротой.

Балет, как искусство, в то время для меня был только гениальной музыкой Чайковского к «Лебединому озеру». Родена знал по скульптуре «Мыслитель», которую я называл «Мужик с похмелья», и считал, что с чувством юмора у Родена все в порядке. Мыслителями в Европе были Маркс да Энгельс. Потом к ним присоединили Ленина. А еще «Мыслителя» с удивительной точностью описал Высоцкий в песне «Ох, где был я вчера, не найти днем с огнем. Только помню, что стены с обоями...».

...Спектакль не выходил из головы. Пары в тончайших трико. Ожившие скульптуры. Или множество, мгновенно сменяющих друг друга, скульптур. Роден назвал это Вечная Весна. Яacobсон назвал это Хореографические миниатюры. Теперь в театре имени Яacobсона это называется Роден.

В пустом вагоне метро возникла девушка. Она была невероятно красива, и я вам потом это докажу. В ярко красном, с золотыми украшениями, пальто. Она сидела напротив меня и смотрела в стекло за моим плечом, в летящее, черное пространство. Молчала.

В голове зашевелились стихи.

*«Вам, принцесса метрополитена.
Фея экзотических дворцов.
Посвятил бы нового Родена
Старый балетмейстер Якобсон» ...*

Я ушел в стихи. Когда я вернулся, принцесса исчезла. Навсегда.

...В пасмурную субботу, на Невском проспекте, дождь заставил меня спрятаться между колоннами музея истории религии и атеизма. Так он в то время назывался. Сейчас это опять Казанский собор. Питерский мокрый, затяжной дождь, через полчаса я понял замысел архитектора собора, создавшего гигантскую колоннаду. Прохожий укрылся от дождя, а потом оказался в соборе, потому, что дождь не кончается.

Внутреннее беспредельное пространство, колонны, теряющиеся в вышине, гробница Кутузова, полная для меня неожиданность. Знамена, ключи от освобожденных городов, похожие на самодельные ключи от гаражей, скромная оградка. Надпись, здесь покоится его сердце. Мне на колени захотелось упасть. Кутузов, имя близкое, как роса, как Россия.

Я бродил по музею, заполненному атеистическими стендами. И остолбенел. На стене висел портрет незнакомки из ночного метро. Аннотация сообщала, что купчиха Чихачева, развращенная богатством, заказала художнику свой портрет в образе Богородицы. О Богородице, видимо, свидетельствовала овальная тень за головой купчихи.

Я не знаю, как выглядят купчихи. Как выглядела Богородица, не знает никто. Передо мной был портрет умной, красивой и грустной девушки. Это была та самая девушка из метро, только красного пальто с золотыми пуговицами не было. И она так же смотрела куда-то, за мое плечо.

Почему «Скульптуры Родена»? Потому, что Роден теперь там, куда она смотрит. И скульптуры там. И Якобсон. И Кутузов со знаменами. И летящая темнота...

Нас там нет. Меня тоже.

Не знаю, сохранился ли в Исаакиевском соборе портрет купчихи Чихачевой. Но в интернете он есть.

Принцессе метрополитена сейчас за семьдесят.

А может, как и тогда, двадцать...

2019

Хореографические миниатюры

Вам, принцесса метрополитена,
Фея экзотических дворцов,
Подарил бы нового Родена
Старый балетмейстер Якобсон.

Сцена. Танец. Музыка. Блаженство.
Юные, как Вечная Весна.
Как и Вы, вершины совершенства,
Белый он и белая она.

Но, его величество искусство,
Только отраженье, только сон.
В сотни раз сильнее Ваше чувство -
Вы одна. А с нею белый он.
Ленинград

1969

Сон разума

– Там, в зале, кто-то храпит.

Жена сказала это, не просыпаясь. Душная ночь. На стенах пятна синего света от уличных фонарей. В зале, на диване бесформенная темная груда. От стены, уставленной рядами книг, падает тень на огромное тело.

Ночью, и в своей квартире жутко, если на диване кто-то лежит. Даже на выключатель нажать страшно.

Свет я включил, но решил, что это все-таки сон. На диване лежал молодой парень в очках, в синем костюме, в голубой рубашке, галстук, в безупречную крапинку, свисал до пола.

Отчетливый запах водочного перегара окончательно убедил меня, что я не сплю.

– А Витька где? – спросил меня парень.

– Ты что тут делаешь? Какого хрена? Как тебя сюда занесло? Таня, звони в милицию!

Парень тер лоб и неуклюже поднимался:

– Витьку позовите.

– Я тебе сейчас устрою Витьку! Тебе форточка просторной покажется! – проснулся я окончательно.

– Это квартира Белкина? – Спросил парень.

– Какого еще Белкина?

– Витьки Белкина – артиста из ТЮЗа!

Белкин из ТЮЗа, полсотни лет назад был моим приятелем. Эрудированный, с великолепным чувством юмора, классный актер. Мы с ним были настоящими друзьями, пока он не затерялся в дебрях московских театров. Белкин иногда приглашал меня для калымных концертов. Студенты театрального училища и балетной школы перед праздниками с небольшими концертами выступали в городских организациях, во главе с Белкиным. Певцов из консерватории он не признавал:

– Не поют, а тужатся, и мозгов нет! Ты поешь голосом и душой, а они воздух из себя выпускают

Белкин читал Зощенко, аккомпанировал мне на рояле, Я пел и читал свои стихи, а балетные ребята, в пачках, великолепно исполняли танец маленьких лебедей, за ручки, как у Петипа. Зрители смеялись и рукоплескали до беспамятства. Что этот юноша может знать о Белкине, который потерялся полвека назад.

– Это не квартира Белкина! Ты сколько выжрал? – это сказал я.

– А клуб Революции и Шапито во дворе? – это спросил он

– У меня Кремль во дворе. И памятник Миклухе Маклаю.

Гость меня не узнавал да и узнать не мог. Я, потерявший ощущение действительности слушал его сумбурный рассказ. Высокий, стройный, баритон как у пьяного Левитана, лицо недоуменное, но уверенное. Пьяный. Очень.

Он работает начальником лаборатории программирования. Вчера стал лауреатом конкурса вокалистов. Председатель жюри, народная артистка СССР пригласила его стать студентом консерватории.

Я точно знал, что было дальше. Он, или я? пошел к Белкину советоваться. В цирк Шапито. Белкин вел цирковое представление. Конферансье. После представления, в холщевой гримерке они пили водку, закусывая сахарным песком из бумажного пакета.

Белкин тогда размышлял:

– Ты хочешь петь? Ну и что! Петь или говорить на сцене, какая разница? Каждый день один, два, пять раз выходить на сцену и говорить, говорить, а грим стягивает морду, и последний выход, когда уже спать хочется? А жена считает, что бабы на каждом углу. И правильно считает. Тексты учить. Не смуться со сцены, когда невмоготу. Тебе, вот, бисируют всегда! А мне изредка. Овации добавляют оптимизма на пару дней. Но, заодно, и желание напиться.

Гость, кажется, начал трезветь и понимать двусмысленность обстановки:

– Извините, я, пожалуй, пойду.

– Подожди, сейчас принесу коньяк.

Я пошел на кухню за коньяком. Пить с самим собой, это не фантастика.

Это уже чертовщина!

Но я точно помню, что после выпивки с Белкиным пятьдесят лет назад, я проснулся в незнакомой квартире с книжным стеллажом во всю стену. На полках с книгами лежали ключи, и я взял один. Дверь легко открылась. На улице был мороз. Я прошел, какие то метры по улице. Это была улица с моим сегодняшним адресом!

С коньяком я вернулся к гостю. В комнате было пусто. Ключ гость оставил в замке. На лестничной площадке пахло табачным дымом. Запах сигарет «Солнце». Их не продают уже лет сорок. Сплю, решил я окончательно.

Утром на диване я нашел визитку, Логвиненко Станислав, начальник лаборатории математики. С шестизначным номером телефона.

Это был мой телефон, когда я был начальником. Я и сейчас начальник.

Из книжки выпала, решил я. Из Гоголя.

А он ушел учиться в консерваторию?

1968 -2019

**Стулкин, Тая, тетя Тоня
и две стройные лягушки.**

Странный он какой-то, Стулкин. Вроде и рост 180, и глаза умные, и начальник неплохой, и с юмором все в порядке. А придёт с работы домой, поужинает, и садится в кресло с книжкой, каждый день с другой. Книжек у него много и все разные. Не меньше тысячи.

Ходит, смотрит на названия. Иногда даже не знает какую выбрать. Плохих у него нет.

Сидит, читает и думает. То про Наполеона подумает, то про Сталина. То про Шалапина поразмышляет, то про Булгакова с Лесковым.

За окном темно. Фонарь светит. Стулкин давно решил, что, когда фонарь погаснет, тогда он и позвонит тётке Тоне. Это на другом конце страны. Тетя Тоня это так, для конспирации.

У тети Тони есть дочь Тая, сколько лет прошло! Он бы и так позвонил, но почему-то не звонит.

Поэтому придумал про фонарь. Годы идут, а фонарь все не гаснет. Иногда правда гаснет, но вместе с другими фонарями. Это или авария, или утро, или, не дай бог, война. А надо, чтобы погас один, который в окно светит.

– Не судьба, – думает Стулкин.

Еще сколько лет прошло, сказать трудно. Кто бы их считал. Стулкин и дни рождения перестал отмечать. Надоело.

Вот в каком-то году сидел Стулкин в кресле. Был сильный мороз. Фонарь светился в туманном ореоле. За окном тишина. Машин не слышно. И не видно.

Людей тоже нет, минус 37. Плохая цифра, решил Стулкин, ни на что не делится, и задумался о Фибоначчи.

Фонарь не погас. Он взорвался. Грохот и вспышка были потрясающими.

– Это судьба–, решил Стулкин. Пошёл в туалет, покурил. И набрал номер.

– Здравствуйте, тетя Тоня, это я, Стулкин, – громко произнес Стулкин.

– Здравствуй, Стулкин, – ответила тетя Тоня.

– Тетя Тоня, позовите Таю, – хриплым голосом произнес Стулкин.

– Таисия в институте, – ответила тетя Тоня

– Какой в Крохалевске институт? – удивился Стулкин.

– Конечно, какой может быть в Крохалевске институт. Институт в Красногубернаторске.

Таисия мне только что звонила.

– А, – произнес Стулкин и повесил трубку.

– Надо ехать, и немедленно. Посплю и поеду!

Стулкин залез по стремянке на шифоньер. Молодость решил вспомнить. Положил под голову всего Пушкина в одном томе и уснул. В студенчестве Стулкин часто ездил зайцем на поезде. В общем вагоне. Третья багажная полка была под потолком. На ней и ездил. Проводники студентов жалели и делали вид, что не замечают.

Спит Стулкин на шифоньере. На самолете он точно не полетит. Коленки упираются, раньше не упирались, а теперь упираются. В СВ поедет...

Снилось Стулкину, как он выучился плавать. Очень просто выучился, зашёл в воду и поплыл. Плывёт, а рядом две лягушки тоже плывут. Стройные, высокого роста, не какая ни будь болотная мелочь. Одна плывёт кролем, а вторая, как и Стулкин по лягушечьи. Потом легли обе на спину отдохнуть. Лежат, разговаривают.

– Хорошо малыш по лягушиному плавает, – говорит вторая, – А ты где это кролем научилась?

– В суворовском училище. У меня ещё и разряд по боксу. Однако, плавать, подруга в этой жизни не главное!

– А что главное?

– Главное в этой жизни, – не плавать!

Заржали лягушки и скрылись в прибрежных камышах.

Проснулся Стулкин на диване. Комфортно. На подушке. Под одеялом.

Градусник в телефоне показывал минус двадцать три. По-теплело, но опять число ни на что не делится. Поди и фонарь починили.

Обугленный развороченный фонарь стоял за окном. На шифоньере стояли коробки от старого компьютера. На самой большой коробке, под потолком, лежал толстый том. А в нем весь Пушкин.

Это только в кино бывает. Проснешься, а она рядом

2021

Тёплая гора или Галльский петух

1957 год. Карпинск. Осень. До запуска первого искусственного спутника Земли оставалось десять дней

– Славик, я Евгении Спиридоновне твои стихотворения показала, она похвалила, и разрешила завтра в школу не ходить. А Николай Павлович, согласился взять тебя в лес, за брусникой.

Евгения Спиридоновна, это моя учительница. Николай Павлович Загородкин, рыбак, охотник, грибник. Он живет в соседнем подъезде.

Я, ученик третьего класса. Тетрадку со стихами прятал под матрасом. Мама нашла.

Брусника скоро отойдёт. Под снег. А мне уже десять. Пора родителям помогать. Мама работает в детской больнице санитаркой. По двенадцать часов. Папа, единственный токарь в электровозных мастерских. Брату Женьке всего пять. А сестра Ленка родится через восемь лет. Так что завтра в пять утра мама меня разбудит.

– Дядя Толя тоже пойдет, – сказала мама.– Будет тяжело, поможет.

Дядя Толя Голубков, наш сосед по квартире, жил в одной комнате с матерью, которую звали Романовна, и женой, блондинкой Люсей. Она всегда ходила в платьях с красными цветочками.

Я испытывал страх, когда в нашей общей маленькой кухне Люся, розовая, большая и теплая, садилась на колени к дяде Толе. Они громко смеялись, Посуда подпрыгивала в стенных шкафчиках, табуретка под ними шаталась. Табуретка могла сломаться, и они бы упали. А падать то некуда. На печку? Печка топится. Плита пышет жаром, В искорках от вспыхивающих пылинок. Страшно мне за них было. Но интересно.

В сентябре утром холодно. Вершины тополей и крыши домов в тумане. Николай Павлович в шесть утра уже курил на

крылечке нашего подъезда. Он сказал, что идём на Теплую гору. Это далеко, но ягода там точно будет.

– Это ж далеко, – сказал дядя Толя, – давай лучше на Дунькин пуп. Красивая гора. И рядом.

– Дался тебе этот пуп. Умный человек название придумал... а знаешь, что в жизни человека самое главное? Главное, Толик, найди нужное место и доберись до него в нужное время. Ну пора!

Мы повесили на спины пайвы и пошли. Пайва, это короб из бересты, с двумя широкими наплечными ремнями. Она почти ничего не весит, очень вместительная, удобно облегает спину, ягода в ней не мнётся и не портится. Грибы тоже.

По утреннему городу мы шли молча. Прохладный туман. Народ ещё на работу не пошёл. Тишина.

За речкой сразу же началась лесная дорога.

– Славка, ты бутылку то взял?

– А как же, – ответил я.

По узенькой тропинке, раздвигая влажные, по утреннему мягкие еловые ветки, мы подошли к роднику. Родник бил из-под земли, выдавая себя буруном, на поверхности маленькой лужи. Ручеёк из неё, тихо журча под кустами дикой смородины, исчезал в глубине леса. Вода была прозрачной, холодной и каждый глоток ласкал горло и весь внутренний водопровод.

Карловы Вары, Виши, Кисловодск... Где я только потом не пил минералку. Но вода из лесного родника была не заживляющей, а живой.

Мы наполнили бутылки, заткнули их пробками, свернутыми из газеты, и пошли.

– Нигде в мире нет такой воды. даже в Монголии... Николай Павлович прошёл с войной всю Европу. Но рассказывает только про Монголию. Там он службу закончил.

– Русских там называли сэсэсэр цирик. А большую нужду монголы справляют прямо возле юрты. Мужики и бабы вме-

сте. Сядут кружком на корточки. Тужатся и разговаривают. О чем не понятно, но все с серьёзным видом. Потеха!

– Это ты зря, – Дядя Толя закурил и продолжил. – Мы же собираемся кружком за столом. Выпить, закусить, поразговаривать. А у монголов столов нет. Вот они вокруг юрты и рассаживаются. Я где-то читал, что у древних греков сортиры специальные были, для планерок.

– Кончай философию! Пора в лес, – сказал Николай Павлович.

Мы свернули с дороги. Огромные ели, которые летом всегда шумят, стояли молча. Неподвижные серые облака. Тишь. Только густая и влажная трава шелестит под ногами. Никаких тропинок. Николай Павлович вел нас уверенно, петляя между деревьями. Долго вел.

– Палыч, – по-моему мы заблудились, – устало сказал дядя Толя, – лес густеет, дальше сплошь тайга на тыщи километров. Мы теперь и обратной дороги не найдем.

– Мы почти пришли. Смотри какие кедр. Аристократы. Сейчас Славке на голову шишки начнут ронять. – Николай Павлович, он знает, что, говорит. Кедровая шишка ударилась о мое плечо и упала в траву. А там этих шишек десятки. Кедр, украшение тайги. Стоят друг от друга в отдалении. Гордо стоят. Не толпятся. Шишки роняют для прокорма наземных тварей. Для летающих хранят на верхних ветках.

Вскоре траву сменил брусничник. Ярко зелёный ковер, усыпанный темно- красными гроздьями огромных ягод.

– Да здесь, не сходя с места, можно ведро набрать! – восторг дяди Толи передался и мне. Вглубь брусничника было страшно заходить. Ягоды под сапогами лопались, брызгая соком. Насыщенный, прохладный и свежий аромат кружил голову. Наши пайвы наполнились быстро. Дядя Толя стал раздеваться:

– Сейчас из майки мешок сделаю.

– Не жадничай. Не унесёшь. Да и пора от дождя прятаться. Пошли.

Под накапывающим дождем идти стало труднее, кедровник закончился и колючие еловые лапы били по лицу.

– Вот и тропинка, – сказал дядя Коля, – Скоро дойдем до избушки.

Тропинка поднималась в гору круче и круче. Дождь усиливался. Идти стало очень тяжело. Ремни от пайвы до боли врезались в плечи. Но я шёл молча. Разноешься, в следующий раз не возьмут.

– Я уже взмок. Давай перекурим, – сказал дядя Толя.

– Гора поэтому и Теплая, – сказал дядя Коля. – Потерпите. Скоро придём в гости. Степаныч должен быть дома.

– А что он здесь делает? В лесу? На горе? Да ещё на Теплой?

– Работает. Он бывший лётчик. Летать нельзя из-за ранения. Вот он сюда и устроился. Здесь даже телефон есть.

В то время на весь наш городок было два-три десятка телефонов! А провода через тайгу кто протянул?

Маленькая избушка стояла на самой вершине горы. Почти незаметная под лапами гигантских елей. Перед избушкой и слева от нее обширная поляна. Поленица дров вдоль стены, красивые дрова, сосновые. Апельсинами пахнут.

Ливень начался, когда мы открыли входную дверь.

– Здорово, Степаныч, пустишь дождь переждать?

– Чего ж не пустить. Вон как льёт. Сейчас и свет включим.

Степаныч зажёл керосиновую лампу. Посветлело. Хозяин совсем не был похож на лётчика. Даже бывшего. Лицо в глубоких морщинах. Седые, взлохмаченные волосы.

А избушка! Стол, лавка, железная кровать (как ее сюда дотащили?), кирпичная печка, маленькое окно. И телефон на подставке, с ручкой, как у мясорубки!

Ливень усиливался. Вспышки молний. Белые лица. Раскастов грома не было. Вспышка и удар по ушам одновременно. Избушка подпрыгивала.

– Прицельно, бьет, гаденыш!

Со скрежетом звонил телефон. Степаныч брал трубку и хриплым голосом кричал.

– Кто куда?!

Бросал трубку на подставку; несколько секунд крутил ручку и матерился, всегда заканчивая фразой «ёшь твою не мать!»

Телефон звонил все чаще и чаще... умолк.

Дождь кончился. Я вышел на улицу. Над избушкой колыбался огромный, рыжий, в морщинистых заплатах, воздушный шар. Под ним на волосатых, узловатых и рыжих веревках висела корзина. Рыжий маленький мужичок в красной безрукавке разговаривал с Николаем Павловичем.

– Арсен меня звать. Дрова кончились, а утром надо быть в Марселе

– О, Франция! Нормандия Неман! – сказал Николай Павлович. – Дадим дров, если Петрович не возражает.

Но Петрович, с папиросой в губах, уже открыл неказистую плетеную калитку корзины воздушного шара.

Николай Павлович продолжил.

– Только вот нашего друга, Славку подбросьте. До дома. Он шибко много брусники набрал. Боюсь, не донесет. Всего-то 10 километров.

– Не могу. Ветер не попутный. А утром надо быть в Марселе.

– Да туда ты и за месяц не долетишь!

– Я знаю короткую дорогу.

Мужики перекидали поленницу в корзину.

Арсен протянул мне красного, сосательного петушка на палочке. Сказал, что петушок Галльский, забрался в корзину, подул на костерок, тлеющий в корзине, положил в него пару поленьев и шар стал медленно подниматься.

– До встречи в Париже!

Вскоре шар исчез за темными облаками...

– Славка, просыпайся, дождь кончился.

Мы вышли на улицу. Я с трудом влез в наплечные ремни, заполненной ягодами, пайвы.

– Жалко, что шар улетел, – сказал я.

– Какой шар? Кончай фантазировать. – Сказал дядя Толя.

– А дрова куда делись?

– Где ты видел дрова?

– Тогда откуда петушок?

– Это я тебе в карман положил, для сюрприза, – сказал дядя Толя, – красивый петушок. Почти как Галльский.

Я сунул его в рот. Обычный петушок из расплавленного сахара.

Десять километров до дома. В сумерках. Они были бесконечными. Но пайва оказалась удивительно не тяжёлой.

Мама испуганно смотрела на холм отборной брусники, пересыпанной в оцинкованную ванну.

– Как ты это донес?

– А я уже взрослый.

Утром я обнаружил, что плечи стали чёрными. От синяков.

Это могло бы быть фантазией, но мне, малышу из маленького уральского городка, поезда дальше которого уже не ходили, никакого воображения бы ни хватило, чтобы представить, что моя дочь станет француженкой. Что у неё будет работа в центре Парижа. Что муж дочери, парижанин, будет крещен в православие в крупнейшем храме Сибири, и окажется замечательным мужиком. И, что в этом храме он будет обвенчан с нашей дочерью. И мы с моей женой тоже. И, на время нашего венчания, храм будет закрыт для других прихожан.

Что мои внуки Александр и Мари будут гордостью лучшей школы игрушечного городка под названием Льезен, по дорогам которого можно ходить без обуви, в белых носках. И мы с женой будем ежегодно ездить к Сашке и Машке во Францию.

И жена будет рыдать при встречах и расставаниях. А у меня сжиматься сердце.

Таких снов не бывает. И придумать это невозможно.

Над крышей дочкиного дома, в игрушечном французском городке, сидит петух. Флюгер.

Это уж точно Галльский петух...

От Марселя до Урала воздушный шар за ночь не долетит,
даже на сосновых дровах.

А обратно, запросто. Проверено.

Через десять дней. 4 октября 1957 жители моего городка
ночью видели, как в небе летела маленькая звёздочка. Это
был первый искусственный спутник земли. Он был всего
один, но его было видно.

2019

Что же там за рекой

Мне нравилось сидеть на верхней ступеньке деревянной лестницы. За спиной был вход на второй этаж бревенчатого дома. Сначала были сени, так бабушка называла, сколоченное из шершавых досок, помещение. Я любил в солнечный день смотреть, как в полосках света, пробивающихся через щелки в стенах сеней, суеются сверкающие пылинки. Вскоре я выучился читать, и в книжке «Карлик Нос» узнал, что из пылинок получается самый белый хлеб, если их просеять через сито.

С верхней ступеньки видно было далеко-далеко, и казалось, что там есть то о, чем я никогда не узнаю. Совсем далеко были горы, а за горами уже вообще ничего не было, горами все и кончалось. Но вначале была приземистая, пахнувшая дымом, баня в огороде, потом огромное поле с редкими деревьями, а потом мерцала река.

Вот за ней все как раз и было.

И я пошел. Пошел в другую сторону. Просто я знал, что если идти вдоль трамвайной линии, а потом еще по дороге, дойдешь до моста через реку, за мостом повернешь направо, и идти, и идти, то вот оно и будет.

Был праздник. Кругом горели, набранные из электролампочек, покрашенных в красное, цифры 35. Это столько лет прошло после Октябрьской революции.

За мостом меня догнал отец. Он взял меня на руки. Мы пошли обратно.

Было темно. Как он меня нашел?

Я знаю. Он тоже хотел посмотреть, что же там за рекой.

2018

4. Всплески

Листья с деревьев падают,
В полях увядают цветы,
Только меня не радует
Осень такой красоты.

Скоро зима наступит,
Выпадет снег на поля.
Ратью морозы вступят
В наши родные края.

1956

Как ни свет, ни заря
Родила богатыря.
Показал он ей пупырку.
«Ты роди мне богатырку».
А она оттель кувырк,
«Мне не надо богатырк»

1961

Запушились черемухой домики.
Плыл дурманящий пар по реке.
Мяли девичьи пальцы черемуху
И грустили в ребячьей руке.

1962

Прилепи себе на пузо
Герб Советского Союза!

1963

Она повесилась на кране заводском.
Зачем, не знаю. Может думала о ком.

1964

Лопатки сводит. Улетаю. Ты!
Хоть ты вдогонку мне швырни цветы.

1964

Я поставлю экраном книзу
Телевизор!

1964

Пахнут рельсы паровозами.
Пахнет брагою Земля.
Пахнут девушки березами.
Это родина моя.

1964

В небо пырнули ножом
И получился месяц.
В небо долго стреляли
И получились звезды.

1965

Так держать!
Жить и ржать!

1965

Не надо писать в водоем,
А то погибнет рыба в ем!

1965

Пахнут рельсы паровозами.
Пахнет брагою земля.
Пахнут веники березами.
Это Родина моя!

1965

Утесы. Утесы. Утесы.
Клекочут орлы над утесами,
Клекочут орлы над утесами.
И солнце теряется в соснах.
Но ты, ты не бойся и вовсе
Не слушай дремучее эхо.
Ведь там, где рождается эхо
Костры у подножья утесов.

1965

Кто-нибудь мне расскажет о том,
Что потом, после слова, потом?
А потом, отвечают года,
Навсегда. Ничего. Никогда.

Как веселы, как беспробудны были.
Года, как птиц, расстреливали влёт.
Кому ни позвонишь – похоронили.
А кто не похоронен, тот не пьёт.

2019.

Посмеёмся.

А жизнь прошла, и, если разобраться,
Ей без меня неплохо и одной.
Мне не с кем стало даже посмеяться.
Давайте посмеёмся надо мной.

Август 2019

Пахнет Темза розовой редиской.
А туман – коломенская грусть.
Может я и выучу английский.
Но сначала в русском разберусь.

2019

Уснуть. И с Шурыгиным водки хлебнуть.
На Ляльку взглянуть невесомо...
От звёзд, что дырявили небо и грудь
Остались одни папилломы.

31.12.19. Париж

Ночь.

Жираф решил вздремнуть меж горбами,
Ощипавшего оазис, верблюда.
Но верблюдов не проходил меж ногами.
У жирафа. Разве это не чудо.

2020

Не надо петь. И подпевать не надо.
Она была, как ночью свет окна.
О, господи! А пахла, если рядом –
Вечерним снегом. Если есть луна...

2020

Ночь. На плечиках гладкие платья.
Запах, мокнущих в банке, опят.
Домовой не ворчит под кроватью
На которой не любят, а спят.
2019

Вот стоит один стакан.
А в стакане таракан
Рядом с ним второй стакан.
В нем опять же таракан.
Сколько будет тараканов,
Если больше нет стаканов?
2020

Они лежали, улыбаясь,
Четырнадцать часов подряд.
Потом лежали, задыхаясь,
Четырнадцать часов подряд.
Как хочется теперь проснуться,
Разбить часы. И улыбнуться.
2020

Солнце лопнуло. Нет не устало.
Опостылело сотни веков
Согревать, пожирающих сало.
Чтобы просто посрать. Дураков.
2020

Секунду, что прошла, не изменить.
Не отменить, не перепрыгнуть. Значит,
Всё просто. На секунду меньше жить
Пришлось всему. И никому иначе.
2020

Привычка.

А вот я лежу и сплю.
А он прямо в ухо рыкнул.
А я, почему терплю?
А потому что привыкнул!
2020

Спим, пацаны.

Спим, пацаны. Вот и детство, где Пушкина нету!
Бродские с Цоями сделаны нас унижать.
С той стороны пацанов зажигают поэты.
Мы разучились гореть. А поэтов рожать.
2020

Стратосфера. Распахнутый люк в темноту.
Я лечу. Разрушая собой пустоту.
Бормочу. Измеряя секундами путь:
Вот теперь то никто не рискнёт обмануть!.
2020

Телевизионная антенна.
Телецентр. Она над ним стоит.
Я внутри. Мне море по колено!
Потому колено и болит!
2020

Темнота бессовестна до полюса.
Вот и занесло меня сюда.
Сбавил скорость. Толку нет от скорости.
Жажда. Ночь. А все вокруг – вода!
2020

Уже и от усталости не спится.
А память боль не хочет избегать.
Зачем-же надо было торопиться?
Когда не предназначен достигать.
2020

Хрипом хронометры сдует.
В прах превратится вода.
Времени не существует.
Есть только смерть навсегда
2020. *Lieusaint*

Я не придумаю, пожалуй.
Того, что выдумал бы Бог.
Вот дочка рядом пробежала
А я догнать ее не смог.
2020

Никогда не делай того, чего делать не хочется.
Даже тогда, когда не хочется ничего не делать
2020

Мотылек, зверюшка
Набивает брюшко.
Где же дом у мотылька?
Где он делает ка-ка?

Миллиарды лет... Я просто кальций...
Будет сон. И будет сниться в нем
Теплота от каждого из пальцев,
На спине, под кожаным ремнём.
2020

По небу задумчиво аист летел.
На аисте Ленин с лопатой сидел.
Отгулов набрал и летит воевать.
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.
–Ильич, а лопата тебе на фига?
–По пузо в Испании нынче снега!
21.01.21

Когда кот отдирает от стены обои,
Он не думает, что там что-то есть.
Он знает, что там ничего нет.
2021

Угрызения совести.

А совесть невозможно угрызать.
И обгрызать, откусывая части.
Есть совесть. Значит постижимо счастье.
Башкой стучаться ночью о кровать.
2021

Все что я выдумал не стоит.
Того что создавать не стал.
Теперь я старый алкоголик.
Слепивший внукам пьедестал.
2021

Старость, ты, как бляенье барана,
Стылый суп, засохшая резина!
Вот и всё. Ни водки, ни стакана!
И разбиты окна магазина.
2021

Какая река Каква.
Речушка размером с кактус .
Утесы не камни. Строфы.
Невыдуманной катастрофы.
Тогда же и навсегда.
Прозрачной стала вода.
2021

Март сосулькой от зимы отколот.
А февраль бормочет сквозь стекло,
Мужикам, чтоб помнили про холод.
Женщинам, чтоб верили в тепло.
2021

Станислав Логвиненко

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО
Стихи. Песни. Проза

Подготовлено к печати ООО Агентство «Сибпринт»

Подписано в печать 29.06.2021. Формат 60X84/16.

Бумага офсетная. Тираж 100 экз.

Усл. печ. л. 10,35. Заказ 0629-2021

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт».

630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, 39.

Тел. +7 (383) 218-00-36, e-mail: izdat-nsk@list.ru.

www.ifb.ru